Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

19 августа, в Октябрьском зале Дома Союзов, в 12 часов 10 минут, Военная коллегия Верховного Суда, под председательством военюриста В. В. Ульриха, в составе членов: военюриста И. О. Матулевича, военюриста И. Т. Никитченко, запасного члена суда военюриста И. Т. Голикова, при секретаре военюриста первого ранга А. Ф. Костющко, приступила на открытом заседании к разбору дела Зиновьева, Каменева и других, обвиняемых в организации и участии в подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства, то-есть по статьям 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Обвинение поддерживает прокурор Союза ССР тов. А. Я. Вышинский.

Председательствующий Ульрих сообщает, что все обвиняемые отказались от защитников и что ввиду этого, им предоставляется право самим защищать себя, задавать вопросы, произносить защитительные речи.

После прочтения обвинительного заключения, обвиняемые: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Тер-Ваганян, Мрачковский, Дрейцер, Рейнгольд, Пикель, Ольберг, Берман-Юрин, Фриц Давид (Круглянский), М. Лурье и Н. Лурье полностью признали себя виновными в пред'явленном им обвинении. Обвиняемый И. Н. Смирнов, признавая свое участие в об'единенном центре троцкистско-зиновьевского блока, личную связь с Троцким, получение директивы Троцкого об организации террора против руководителей ВКП(б) и советского государства, политическую ответственность за деятельность об'единенного центра, отрицал лишь свое личное участие в подготовке и проведении террористических актов.

Подсудимый Гольцман, признавая свое участие в троцкистско-зиновьевской террористической организации, личную связь с заграничным троцкистским центром и то, что он привез личную директиву Троцкого по организации террористических актов в СССР, отрицает лишь свое личное участие в подготовке террористических действий.

После 15-минутного перерыва в 13 час. 45 мин. суд приступил к допросу обвиняемых. Первыми допрашиваются Мрачковский, Евдокимов. В 16 час. 20 мин. об'является перерыв.

Первым допрашивается подсудимый Мрачковский.

Мрачковский — наиболее доверенный и близкий лично Троцкому человек. В прошлом крупный военный работник. С 1923 года он ведет с ним совместную троцкистскую антисоветскую работу. Состоял членом руководящего центра подпольной троцкистской террористической организации. Работал по личным указаниям Троцкого, от которого получал директивы через Смирнова И. Н. и непосредственно по организации террористических актов против руководителей партии и правительства. Являясь одним из руководителей контрреволюционного троцкистского подполья, вошел в 1932 году в троцкистско-зиновьевский террористический центр вместе со Смирновым И. Н. и Тер-Ваганяном. Мрачковский подробно рассказывает историю создания троцкистско-зиновьевского террористического центра. Он говорит, что возвращаясь из ссылки в 1929 году, он только на словах признал правильность генеральной линии партии, а на самом деле, он, как и другие бывшие оппозиционеры, возвращались из ссылки с целью дальнейшей двурушнической борьбы против партии. Мрачковский при этом признает, что никакой политической платформы эта контрреволюционная группа не имела, что «та платформа, которая была составлена в прежний период—в 1925-27 годах,—была опрокинута правильностью генеральной линии партии».

Далее Мрачковский говорит о том, что в 1931 году уже открыто в этой троцкистской группе был поставлен вопрос о терроре. Смирнов, единожды в Берлин, привез директиву от Троцкого, полученную им через сына Троцкого — Л. Седова: «Пока мы не уберем Сталина — мы не можем вернуться к власти».

Вышинский: — Что означает ваше выражение: «Пока мы не уберем Сталина?».

Мрачковский:—Пока не убьем Сталина. На этом же заседании, в 1935 году в присутствии Смирнова, меня, Тер-Ваганяна и Сафоновой, на меня была возложена задача организовать террористическую группу, то-есть отобрать надежных людей. Как я уже говорил, этот период шел на подготовку людей для организации террористических актов против Сталина, Ворошилова и Кагановича.

Далее, Мрачковский показывает, что во второй половине 1932 года был поставлен вопрос о необходимости об'единения этой троцкистской террористической группы с зиновьевцами.

Вопрос об этом об'единении был поставлен И. Н. Смирновым, причем он это мотивировал тем, что одних троцкистских сил слишком мало и поэтому необходимо об'единить все контрреволюционные группы. Тогда же Смирнов через Гольцмана послал Троцкому письмо, в котором информировал его о состоянии троцкистской организации и поставил перед ним вопрос об об'единении с зиновьевцами. Осенью 1932 года было получено ответное письмо от Троцкого, в котором он одобрил решение об об'единении с зиновьевцами. Троцкий передал тогда же через своего посланца Гавена, что об'единение должно происходить на базе террора, причем здесь же Троцкий снова подчеркнул, что необходимо убить Сталина, Ворошилова и Кирова.

Мрачковский отмечает, что после получения директивы Троцкого, одобрившего заключение блока с зиновьевцами, Смирнов поручил Тер-Ваганяну осуществить создание этого блока. Террористический блок троцкистов и зиновьевцев был создан в конце 1932 года.

Затем Мрачковский показывает, что, в связи с его Мрачковского от'ездом из Москвы он поручил Рейнгольду связаться с Дрейцером, который должен был руководить террористической деятельностью «московского центра». Приехав в Москву затем летом 1934 года, он встретил Дрейцера, который информировал его о работе террористического центра.

Летом 1934 года Мрачковский встретился с Каменевым. «Каменев, — показывает Мрачковский, — подтвердил мне, что организован московский террористический центр. Каменев проявлял недовольство медлительностью работы в деле подготовки террористических актов. Тут же в разговоре он сказал, что Бакаев организует в Ленинграде и, как будто, довольно успешно, хотя медленно, террористический акт против Кирова».

Продолжая свои показания, Мрачковский указывает, что в декабре 1934 года, находясь в Казахстане, он получил от Дрейцера написанное химическим способом письмо Троцкого следующего содержания: «Дорогой друг, на сегодняшний день перед нами стоит задача форсировать убийство Сталина и Ворошилова. На случай войны надо занять пораженческую позицию и воспользоваться замешательством. Необходимо организовать ячейки в Красной армии».

Письмо было подписано «Старик». Мрачковский подчеркивает, что он хорошо знает почерк Троцкого и, что он не имеет ни малейших сомнений в том, что письмо действительно было написано Троцким.

Подчеркивая свою особенную близость с Троцким, Мрачковский указывает, что в последние годы его работы с Троцким в 1923-27 годах до его ареста в 1927 году, никто не мог пройти к Троцкому помимо Мрачковского и вся переписка Троцкого тоже проходила через него.

Товарищ Вышинский спрашивает Мрачковского, какова была роль И. Н. Смирнова в террористическом троцкистско-зиновьевском центре. Мрачковский подчеркивает, что он все делал с ведома Смирнова и что Смирнов знал людей, которых Мрачковский подготовлял для террористических актов.

Затем, Мрачковский показывает о деятельности троцкистско-зиновьевского террористического центра. В этот центр входили Зиновьев, Каменев, Ломинадзе, Мрачковский, Тер-Ваганян и другие. Далее, тов. Вышинский ставит вопросы Зиновьеву:

Вышинский: — Когда организовался об'единенный центр?

Зиновьев: — Летом 1932 года.

Вышинский: — В течение какого времени он действовал?

Зиновьев: — Фактически до 1936 года.

Вышинский: — В чем выражалась его деятельность?

Зиновьев: — Главная его деятельность заключалась в подготовке террористических актов.

Вышинский: — Против кого?

Зиновьев: — Против руководителей.

Вышинский: — Т. е. против товарищей Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство товарища Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?

Зиновьев: — Да вашим центром.

Вышинский: — В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?

Зиновьев: — Да.

Вышинский: — Значит вы все организовали убийство тов. Кирова?

Зиновьев: — Да.

Вышинский: — Значит вы все убили тов. Кирова?

Зиновьев: — Да.

Вышинский: — Садитесь.

И. Н. Смирнов пытается отрицать показания Мрачковского о том, что он Смирнов передал Московскому центру троцкистов директиву Троцкого о терроре.

Вышинский: — Прошу разрешить Смирнову самому прочитать это место из протокола. Так как Смирнов упорно запирается и пытается уйти от ответственности, я прошу, чтобы он прочитал это из протокола перед всеми здесь присутствующими.

Смирнов—(читает свои показания): «В 1931 году Седов давал террористическую установку, которую я сообщил, вернувшись в Москву Сафоновой и Мрачковскому».

Вышинский (обращаясь к Мрачковскому): — Мрачковский, вы от Смирнова знали об этой установке Седова на террор?

Мрачковский: — Да знал.

Вышинский: — После возвращения Смирнова из Берлина вы виделись с ним?

Мрачковский: — Да.

Вышинский: — Разговаривали?

Мрачковский: — Да.

Вышинский: — Вместе с Сафоновой?

Мрачковский: — Да.

Вышинский: — И вы знали об этой установке Седова?

Мрачковский: — Да, я это утверждаю.

Вышинский: — Смирнов вы слышали?

Смирнов молчит.

В конце допроса Мрачковского Вышинский задает Бакаеву вопрос о том, когда он ездил в 1934 году в Ленинград.

Бакаев: — Осенью.

Вышинский: — Для какой цели?

Бакаев: — Для проверки готовности к организации убийства Кирова.

Вышинский (обращается к Каменеву):— Вы дали поручения по подготовке убийства Кирова?

Каменев: — Да, осенью.

Вышинский:—Осенью вместе с Евдокимовым вы дали поручение Бакаеву отправиться в Ленинград и проверить, насколько успешно идет подготовка троцкистско-зиновьевской группы к убийству Кирова. Это правильно? Вы подтверждаете?

Каменев: — Да, правильно. Подтверждаю.

Затем суд переходит к допросу обвиняемого Евдокимова.

На вопросы председателя суда Ульриха — признает ли Евдокимов свои показания, данные им на предварительном следствии, Евдокимов отвечает утвердительно. После этого Евдокимов отвечает на ряд вопросов тов. Вышинского. Из ответов Евдокимова устанавливается, что он был членом террористического троцкистско-зиновьевского центра, разделял террористические установки его и принимал активное участие в подготовке террористических актов, в частности, в организации убийства товарища С. М. Кирова, что он отрицал на суде в Ленинграде 15-16 января 1935 года.

После этого Евдокимов подробно рассказывает суду о том, что убийство С. М. Кирова произведено по прямой директиве террористического центра троцкистско-зиновьевской организации по установке от Троцкого.

— Со Смирновым,—говорит Евдокимов, — мы несколько раз разговаривали по этому вопросу. Так летом 1932 года в вагоне Мрачковского, приехавшего в Москву, состоялось совещание, на котором были: я, Мрачковский, Смирнов, Тер-Ваганян. Разговор шел о терроре. Особенно террор поддерживал Смирнов.

Это показание Евдокимова Смирнов пытается отрицать. Однако, из ответов Мрачковского и Евдокимова на вопросы тов. Вышинского устанавливается, что разговор о терроре имел место и Смирнов целиком и полностью поддерживал установку на совершение террористических актов.

— Вскоре после разговоров в вагоне Мрачковского, — продолжает Евдокимов свои показания, — состоялось совещание в Ильинском на даче, где Каменев и Зиновьев жили в то время вместе. На этом совещании, на котором присутствовали Зиновьев, Каменев, я—Евдокимов и Бакаев, было решено, а потом проведено в жизнь образование московского и ленинградского центров для об'единения групп. На этом же совещании в Ильинском в 1932 году прямо говорилось о необходимости террора в первую очередь против Сталина и Кирова. Организация этих террористических актов по предложению Зиновьева была поручена Бакаеву.

Касаясь фактической стороны подготовки убийства С. М. Кирова, Евдокимов рассказывает, что летом 1934 года в квартире Каменева в Москве состоялось совещание, на котором присутствовали Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Сокольников, Тер-Ваганян, Рейнгольд и Бакаев. На этом совещании было принято решение форсировать убийство С. М. Кирова.

Вышинский: — Так прямо и говорилось: «форсировать убийство С. М. Кирова»?

Евдокимов: — Да, так говорилось.

— Осенью 1934 года, — продолжает Евдокимов,—Бакаев поехал в Ленинград проверить, как идет подготовка террористического акта против Сергея Мироновича Кирова ленинградскими террористами. Эти террористические группы установили слежку за Сергеем Мироновичем Кировым и выжидали удобного момента, чтобы совершить террористический акт.

Товарищ Вышинский путем вопросов устанавливает, что Бакаев во время своей поездки в Ленинград имел встречу с убийцей С. М. Кирова—Николаевым, с которым Бакаев имел разговор о подготовке убийства.

Вышинский (обращаясь к Бакаеву): — Вы в Ленинграде виделись с Николаевым?

Бакаев: — Да.

Вышинский: — Разговор был об убийстве Кирова?

Бакаев: — Да.

Вышинский: — Он из'явил свою решимость. А вы как относились к этому?

Бакаев: — Положительно.

Из дальнейших вопросов товарища Вышинского Бакаеву выясняется, что последний после своей поездки в Ленинград докладывал Евдокимову и Каменеву о ходе подготовки убийства С. М. Кирова.

На вопрос товарища Вышинского обвиняемому Каменеву о том, имел ли место действительно такой доклад Бакаева ему — Каменеву, Каменев отвечает утвердительно.

Вышинский: (обращаясь к Каменеву):— Что он вам передал?

Каменев: — Он сказал, что организация подготовлена к совершению удара и что этот удар послелует.

Вышинский: — А вы, как к этому отнеслись?

Каменев: — Удар был задуман и подготовлен по постановлению центра, членом которого я был, и я это рассматривал, как выполнение той задачи, которую мы себе ставили.

На этом утреннее заседание закончилось.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 19 АВГУСТА.

В начале вечернего заседания допрашивался подсудимый Дрейцер. По собственным заявлениям Дрейцера, подтвержденным рядом других обвиняемых (Мрачковский, Тер-Ваганян, Смирнов), он — активнейший троцкист с 1927 года, очень близкий к Л. Троцкому. Был начальником личной охраны Троцкого. Вместе с ним подготовлял и проводил контрреволюционную троцкистскую демонстрацию 7-го ноября 1927 года. Во время ссылки Троцкого в Алма-Ате связывал его с московским троцкистским центром. Осенью 1931 года Дрейцер, по поручению И. Н. Смирнова, ездил в Берлин за директивами Троцкого. В Берлине он два раза встречался в кафе на Лейпцигерштрассе с Седовым (сыном Троцкого).

Подсудимый Дрейцер подробно рассказывает суду, как он по его директивам, полученным из-за границы от Л. Д. Троцкого и в СССР от Смирнова и Мрачковского подготовлял террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Дрейцер организовал две террористические группы: группу Гаевского, которой было поручено осуществление террористического акта против товарища Сталина и группу Эстермана, которой было поручено убить тов. Ворошилова.

Отвечая на вопрос товарища Вышинского, связанный с показаниями подсудимого Дрейцера и попыткой голословного отрицания части этих показаний подсудимым Смирновым, подсудимый Зиновьев заявляет, что летом 1932 года троцкисты настоятельно требовали организации террористических актов.

Линия на террор рассматривалась зиновьевцами, как основное требование троцкистской части блока. Выразителем этих требований был лидер троцкистской части блока И. Н. Смирнов, наиболее осведомленный во взглядах Троцкого и целиком их разделяющий.

— Я лично, — заявляет подсудимый Зиновьев, — минимум два-три раза вел переговоры со Смирновым, который горячо настаивал на террористических актах.

Суд переходит к допросу обвиняемого Рейнгольда.

Рейнгольд показывает, что он уже давно связан с Зиновьевым и Каменевым по совместной контрреволюционной деятельности. Я,—подчеркивает Рейнгольд, — являлся активным членом московского троцкистско-зиновьевского центра, организуя террористические группы для совершения актов против Сталина, Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе. Осенью 1932 года был создан московский террористический центр, в который входили: Рейнгольд, Бакаев, Богдан, Дрейцер, Пикель. Кроме того, к нему примыкали Фуртычев и Грюнштейн. Этот центр организовал террористические группы из особо «надежных» людей.

Рейнгольд подробно рассказывает, что основным методом работы было двурушничество.—Зиновьев и Каменев, — говорит Рейнгольд, — под маской лойяльности и раскаяния в своих грехах перед партией, одновременно готовили террористические акты против руководителей партии и правительства, и, в первую очередь, против Сталина. В частности, Зиновьев рекомендовал Бакаеву своего личного секретаря Богдана для выполнения убийства тов. Сталина. Из допроса Рейнгольда и вопросов товарища Вышинского Зиновьеву и Каменеву выясняется, что последние поручили бывшему заместителю председателя правления Госбанка СССР Аркусу и Рейнгольду изыскать средства для создания денежного фонда за границей, в случае, если Зиновьева и Каменева выбьют за границу. Этот денежный фонд должен был быть создан путем воровства государственных средств. Рейнгольд подробно рассказывает суду о том, что на случай захвата власти Каменевым и Зиновьевым первой их задачей являлось бы уничтожение следов их преступлений путем физического уничтожения, как работников НКВД, которые могли знать о подготовке террористических актов, так и фактических исполнителей этих актов. Для этого предполагалось поставить во главе ОГПУ Бакаева. Намечено было также распределение ролей между другими членами центра.

После перерыва во второй половине вечернего заседания продолжался допрос обвиняемого Рейнгольда.

Затем суд переходит к допросу Бакаева, который подробно показывает о своей роли в подготовке покушения на тов. Сталина в Москве и на товарища Кирова в Ленинграде. Показания подсудимого полностью изобличают его, как организатора террористических актов.

На последнем вечернем заседании Верховного суда дает показания обвиняемый Пикель, также подтвердивший свое участие в террористической организации.

После допроса Пикеля об'является перерыв до 11 часов 20 августа.

(Обвинительное заключение см. на 2-й и 3-й страницах).

Обвинительное заключение

по делу Зиновьева Г. Е., Каменева Л. Б., Евдокимова Г. Е., Смирнова И. Н., Бакаева И. П., Тер-Ваганяна В. А., Мрачковского С. В., Дрейцера Е. А., Гольцмана Э. С., Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Ольберга В. П., Бермана-Юрина К. Б., Фрица Давида (Круглянского И. И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8, 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

15—16 января 1935 года выездной сессией военной коллегии Верховного суда Союза ССР в городе Ленинграде было рассмотрено дело о подпольной контрреволюционной группе зиновьевцев, именовавшей себя «московским центром», главными руководителями которой, наряду с другими осужденными по этому делу, были Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е. и Бакаев И. П.

Предварительным и судебным следствием по этому делу было установлено, что так называемый «московский центр» в течение ряда лет руководил контрреволюционной деятельностью различных подпольных групп зиновьевцев и в том числе контрреволюционной деятельностью ленинградской группы Николаева-Котольнова, злодейски убившей 1-го декабря 1934 года товарища С. М. Кирова.

Судом установлено, что так называемый «московский центр», являясь идейным и политическим руководителем ленинградской группы зиновьевцев, знал о террористических настроениях этой группы и всемерно эти настроения разжигал.

Это должны были признать и отрицавшие какое бы то ни было свое участие в убийстве товарища С. М. Кирова, обвиняемые Зиновьев и Каменев, лицемерно заявившие на суде, что за убийство товарища Кирова они несут лишь моральную и политическую ответственность.

Как теперь выяснилось, полтора года тому назад при расследовании дела об убийстве товарища С. М. Кирова, в руках следственных и судебных органов це было всех данных, вскрывающих действительную роль белогвардейской террористической подпольной деятельности зиновьевцев, руководителей так называемого «московского центра» — с одной стороны и руководителей троцкистского подполья — с другой.

На основании вновь открывшихся обстоятельств, выясненных следственными органами в 1936 году, в связи с раскрытием ряда террористических групп троцкистов и зиновьевцев, следствием установлено, что осужденные по делу «московского центра» Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев в действительности не только знали о террористических настроениях своих приверженцев в Ленинграде, но и были прямыми организаторами убийства товарища С. М. Кирова.

Следствием также установлено, что Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и ряд других обвиняемых по настоящему делу, о которых будет сказано ниже — были инициаторами и организаторами готовившихся покушений на жизнь и других руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Следствием, равным образом, установлено, что свою преступную террористическую практику зиновьевцы проводили в прямом блоке с троцкистами и находящимся за границей Л. Троцким.

Эти вновь открывшиеся обстоятельства, с несомненностью устанавливают:

1) что в конце 1932 года произошло об'единение троцкистской и зиновьевской групп, организовавших об'единенный центр в составе привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева (от зиновьевцев) и Смирнова И. Н., Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов);

2) что основным условием об'единения этих контрреволюционных групп явилось взаимное признание индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства;

3) что именно с этого времени (конец 1932 года) троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Л. Троцкого, полученным об'единенным центром через специальных агентов, сосредоточили всю свою враждебную деятельность против ВКП(б) и советского правительства, главным образом, на организации террора в отношении их виднейших руководителей;

4) что в этих целях об'единенным центром были организованы специальные террористические группы, подготовившие ряд практических мероприятий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева и других;

5) что одной из этих террористических групп в составе Николаева, Румянцева, Мандельштама, Левина, Котолынова и других, осужденных военной коллегией Верховного суда Союза ССР 28-29 декабря 1934 года, было осуществлено первого декабря 1934 года по прямому указанию Зиновьева и Л. Троцкого и под непосредственным руководством об'единенного центра злодейское убийство товарища С. М. Кирова.

I. Троцкистско-зиновьевский об'единенный террористический центр.

Показаниями Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева и ряда других обвиняемых по настоящему делу с несомненностью установлено, что единственным мотивом организации троцкистско - зиновьевского блока явилось стремление во что бы то ни стало захватить власть и что единственным и решающим средством для этого была избрана организация террористических актов против виднейших руководителей партии и правительства.

Лишенные всякой опоры в рабочем классе и трудящихся народных массах СССР, растерявшие весь свой идейный багаж, не имея в руках никакой политической программы, проникнутые злобной ненавистью к социалистическим победам нашей родины, вожди троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока — Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, сомкнулись и слились — с самыми от'явленными врагами советской власти, превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР эксплоататорских классов. В отчаянии и ненависти они прибегли к подлейшему средству борьбы с советским правительством и руководителями ВКП(б)—к политическим убийствам.

Сначала перед лицом первых успехов социализма в СССР они не теряли надежды на возникновение трудностей, с которыми, по их расчетам, советская власть не сможет справиться. Но видя затем, что эти трудности с успехом преодолеваются и наша страна выходит из трудностей победительницей, они откровенно поставили ставку на осложнение международных отношений — на войну и поражение советской власти.

Не видя для себя благоприятных перспектив, они берутся за оружие, организуют подпольные террористические группы и пускают в ход наиболее гнусное средство борьбы — террор.

Сейчас троцкистско - зиновьевские заговорщики свою борьбу против ВКП(б) и советской власти мотивируют уже не, якобы, неправильной политикой партии и советского правительства, не тем, что, якобы, ВКП(б) и советская власть ведут страну к гибели, как лживо и клеветнически они утверждали раньше. Главным мотивом применения террора теперь они считают успехи строительства социализма в СССР, успехи в деле культурного и экономического под'ема страны, каковые успехи, демонстрируя идейное и политическое банкротство троцкистов и зиновьевцев, еще более озлобляют их против советской власти и усиливают у них стремление отомстить советской власти за свой политический провал, путем применения террора.

Несмотря на упорное запирательство, обвиняемый Зиновьев должен был под тяжестью пред'явленных ему следственными органами улик признать, что:

«...троцкистско - зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова».

(т. 12, л. д. 16).

Другой участник этого центра, обвиняемый Рейнгольд, на допросе от 3 июля 1936 года показал:

«...Главное, на чем сходились все участники блока, было... признание необходимости консолидации всех сил для овладения партийным руководством. Я должен признать, что основной задачей троцкистско-зиновьевского блока было насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства и, прежде всего, Сталина. В конце 1932 года центр принял решение об организации террористической борьбы против руководства ВКП(б) и правительства. Мне известно, что троцкистская часть блока получила директиву от Л. Д. Троцкого о переходе на путь террора и подготовки покушений против Сталина»

(т. 27, л. д. 52).

Об этом же с исчерпывающей полнотой дал показание на допросе 23 июля 1936 года и обвиняемый Каменев. Обвиняемый Каменев показал: «...выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и в первую очередь к Сталину».

«...Мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которого мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об об'единении обеих, т. е. зиновьевской и троцкистской контрреволюционных организаций, для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова».

«...Главное заключается в том, что я Зиновьев и мы — я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители — Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против Сталина. На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об об'единении».

(т. 15, л. д. 10, 12, 13).

Обвиняемый Каменев далее показал:

«...Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики и партийного руководства во второй половине 1932 года уже была явно бита.

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако, логика контрреволюционной борьбы, голое безидейное посягательство на власть повели нас в другом направлении. Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и в первую очередь к Сталину».

(т. 15, л. д. 27).

Это подтвердил и обвиняемый Евдокимов, давший 10 августа с. г. подробные показания об организации об'единенного центра и его террористических установках. На вопрос следствия о том, на какой основе возник троцкистско - зиновьевский блок, обвиняемый Евдокимов показал:

«...Мрачковский заявил: «Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководства партии и правительства...» Видя, что я согласен с ним, Мрачковский уже без всяких опасений, что во мне он не найдет поддержки, *продолжал: «Надо убрать Сталина и других руководителей партии и правительства»*. В этом главная задача.

Тут же Мрачковский сообщил мне, что троцкисты получили директиву от Троцкого о необходимости организации террористических покушений на руководителей партии и правительства, что Троцкий, находясь за пределами Союза, правильно определяет задачи борьбы с руководством ВКП(б). Наряду с этой логикой борьбы, он сам и другие троцкисты пришли к выводу, что путь террора есть единственный, остающийся путь борьбы...

Смирнов развивал те же взгляды, как и Мрачковский... В заключение Мрачковский и Смирнов предложили об'единить силы троцкистов и зиновьевцев и приступить к созданию законспирированных террористических групп для совершения террористических актов против руководителей партии и правительства».

(т. 36, л. д. 10).

Аналогичные показания дал и член московского террористического центра Рейнгольд И. И., показавший следующее:

«...с Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. Каменев оценивал положение, примерно, так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что дело все-таки идет не к катастрофе, а к под'ему, поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство — слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется». Отсюда Каменев делал вывод, что «придется руководство раскалывать».

Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что «все дело в верхушке, и что поэтому надо снять верхушку».

Каменев доказывал необходимость террористической борьбы и прежде всего убийства Сталина, указывал, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

Каменев предлагал готовить боевиков-террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям».

(т. 27, л. д. 61).

Он говорил далее:

«...Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско - зиновьевского об'единенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы.

Единственно, что об'единяло весь этот разношерстный блок — была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

(т. 27, л. д. 72-73).

Обвиняемый Смирнов И. Н на допросе от 5 августа 1936 года также признал, что еще в 1931 году, во время пребывания своего в Берлине, он имел встречу с сыном Л. Троцкого — Седовым.

Смирнов И. Н. показал:

«... В процессе нашей беседы Л. Седов, анализируя положение в Советском Союзе, высказал свое мнение, что в данных условиях только путь насильственного устранения руководящих лиц в ВКП(б) и советском правительстве может привести к изменению общего положения в стране»...

«...Я признаю, что установка на террор, как на единственную меру, могущую изменить положение в Советском Союзе, мне была известна из разговора с Седовым в 1931 году в Берлине, как его личная установка. Я признаю, что эта установка о терроре была подтверждена Л. Троцким в 1932 году в его личной директиве мне через Ю. Гавена.

Я признаю, что Тер-Ваганян, вернувшийся с моего ведома от имени троцкистской группы переговоры с левыми и зиновьевцами, в 1932 году заключил с Каменевым, Зиновьевым и группой Ломинадзе блок для совместной борьбы с ВКП(б) и советским правительством и что в основу этого блока была положена директива Л Троцкого о терроре против руководителей ВКП(б) и советского государства».

(т. 29, л. д. 93, 104).

Обвиняемый Тер-Ваганян В. А. подтвердил эти показания обвиняемого Смирнова, признав свое участие в об'единенном центре так же, как и участие в нем обвиняемых Смирнова И. Н., Мрачковского, Зиновьева и Каменева.

Обвиняемый Тер-Ваганян признал, что «троцкистская организация, возглавлявшаяся И. Н. Смирновым, своей контрреволюционной деятельностью особенно культивировала ненависть и озлобление к руководству ВКП(б)... На этой ненависти и основался блок...».

(т. 38, л. д. 11).

Обвиняемый Тер-Ваганян также признал, что еще в 1931 году

«от Троцкого с Седовым была получена для И. Н. Смирнова и для троцкистского подполья в СССР специальная директива о переходе на самые активные и острые методы борьбы с партией и ее руководством».

(т. 38, л. д. 27).

Подтверждая показания обвиняемого Мрачковского по этому вопросу, обвиняемый Тер-Ваганян показал:

«Мрачковский прав в том, что сам троцкистско - зиновьевский блок был организован действительно на признании необходимости борьбы с руководством партии и правительства методами террора».

(т. 38, л. д. 37).

Таким образом, не оставляет никакого сомнения, что троцкистско - зиновьевский блок превратился в группу беспринципных политических авантюристов — убийц, стремящихся к одному — пробраться к власти хотя бы путем террора.

Такова единственная и исчерпывающая «программа» этого общества политических убийц.

О терроре, как единственной основе, на которой произошло в 1932 году об'единение троцкистов и зиновьевцев, на предварительном следствии дал показание и обвиняемый Пикель Р. В. На допросе 23 июля Пикель показал:

«...По информации, которую нам сделал Рейнгольд в начале 1934 года, об'единенный всесоюзный контрреволюционный центр троцкистско - зиновьевского блока решил усилиями троцкистов и зиновьевцев нанести ВКП(б) сокрушительный удар путем ряда террористических актов, задачей которых было обезглавить руководство и захватить власть в свои руки.

Всесоюзным центром троцкистско - зиновьевского блока тогда был прямо поставлен вопрос о необходимости «хирургического вмешательства» (подразумевался террор) для того, чтобы решительным образом изменить положение в стране. Для этой цели центр дал директиву приступить к подбору людей, крайне озлобленных против партийного руководства, обладающих огромной силой воли, способных на совершение террористических покушений против вождей ВКП(б)».

(т. 36, л. д. 10).

В соответствии с линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двурушничество, как особый и основной метод своих отношений с партией и правительством, доведя это двурушничество до чудовищных размеров и превратив его в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские, любая охранка со всеми ее шпионами, провокаторами и диверсантами.

Одной из важнейших задач троцкистско-зиновьевского блока было всячески скрыть и замаскировать свою контрреволюционную деятельность и организацию террористических актов.

По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал:

«..В 1933-1934 году Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне следующее: «...Главная практическая задача построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать»... «...На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор несовместим со взглядами большевиков - марксистов».

(т. 27, л. д. 110, 112).

Аналогичные указания давал и Л. Троцкий, рекомендуя в случае совершения террористических актов отмежевываться от них и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в В. И. Ленина.

Об'единенный центр прибегал к глубокой конспирации и тщательной маскировке своей террористической деятельности также еще и потому, что в его задачи входило обмануть бдительность рабочего класса и трудящихся масс. Об'единенный центр, готовя убийство товарища Сталина и других руководителей ВКП(б), одновременно старался всеми средствами засвидетельствовать свою лойяльность и даже «преданность» партии и советской власти, свое раскаяние в прежних ошибках и готовность честно служить пролетарской революции.

Руководители об'единенного центра рассчитывали на то, что, будучи «прощенными», они, совершив убийство товарища Сталина, смогут свое «прощение» использовать для прихода к власти. По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал:

«...Считали — я говорю о руководителях троцкистско - зиновьевского центра — что тот факт, что еще при жизни Сталина мы были прощены, нам оказано было доверие — обеспечит приближение наше к руководству и власти, а вслед за тем, после прихода к власти Зиновьева, Каменева и их единомышленников, они обеспечат возвращение к руководству и власти и Троцкого».

(т. 27, л. д. 168)

Об этом же на следствии показал и обвиняемый Каменев:

«...Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско - зиновьевского блока к власти.

Первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами зиновьевского блока, в первую очередь, с Зиновьевым, Каменевым и Троцким, вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, так как и при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше — меня, Зиновьева и Троцкого — в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско - зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Подавление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось, как само собой разумеющееся».

(т. 15, л. д. 33-34).

На путь террора об'единенный троцкистско - зиновьевский центр стал под непосредственным влиянием Л. Д. Троцкого, который лично дал членам об'единенного центра ряд соответствующих устных и письменных директив.

На допросе 20 июля 1936 года обвиняемый Мрачковский С. В. показал:

«... линия на террор нами, троцкистами, была взята еще задолго до создания блока Зиновьевым и Каменевым. В 1931 году, когда И. Н. Смирнов был в Берлине и связался с Троцким Л., от последнего были получены директивы приступить к организации боевых групп троцкистов».

(т. 18, л. д. 40, 41).

Тот же Мрачковский показал:

«...По директиве Л. Троцкого, полученной в 1931 году И. Н. Смирновым, мы должны были убить Сталина, Ворошилова и Кагановича. В первую очередь намечался Сталин».

(т. 18, л. д. 42).

Об отношении Троцкого к созданию об'единенного троцкистско - зиновьевского блока и переходу к террористическим методам борьбы, обвиняемый Мрачковский показал следующее:

«...В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости об'единения нашей организации с группами Зиновьева — Каменева и Шацкина - Ломинадзе... Тогда же было решено запросить по этому делу Троцкого Л. и получить от него указания. Троцкий Л. ответил согласием на создание блока при условии принятия об'единяющимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б) и в первую очередь Сталина».

(т. 18, л. д. 44, 45).

Эти показания Мрачковского полностью подтвердил обвиняемый Дрейцер, показавший на допросе:

«...По прямой директиве Л. Троцкого наш всесоюзный центр троцкистско - зиновьевского блока должен был подготовить и совершить убийство Сталина и Ворошилова с целью обезглавить руководство ВКП(б) и Красной армии».

(т. 10, л. д. 99).

Обвиняемый Дрейцер лично в 1934 году получил письменную директиву Троцкого через сына Л. Троцкого Седова о подготовке и совершении террористического акта против товарища Сталина. Это письмо было написано лично Троцким. По показаниям Дрейцера, письмо было следующего содержания:

«Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

1) Убрать Сталина и Ворошилова.

2) Развернуть работу по организации ячеек в армии.

3) В случае войны использовать всякие неудачи и замешательство для захвата руководства».

Письмо заканчивалось указанием — показал обвиняемый Дрейцер — информировать Троцкого о ходе работы по выполнению указанных директив. Должен добавить, что эти указания Троцкого полностью подтверждали директивы, полученные мною в мае 1934 года от Мрачковского».

(т. 10, л. д. 102, 103).

Это письмо было адресовано Троцким лично Дрейцеру, как одному из наиболее преданных ему людей, выполнявшему одно время обязанности начальника его личной охраны.

Это письмо Дрейцер передал Мрачковскому, которым по показаниям Дрейцера и самого Мрачковского, оно и было впоследствии в конспиративных целях уничтожено.

Помимо указанного выше письма, Троцкий передал троцкистско - зиновьевскому центру еще ряд устных и письменных директив о терроре. В частности, одну из таких директив он передал при личной встрече обвиняемому Гольцману, который являлся связистом между Л. Троцким и троцкистско-зиновьевским центром.

Следствием установлено, что после разгрома, в связи с убийством товарища Кирова, троцкистско-зиновьевского центра, Л. Троцкий, взяв лично на себя руководство террористической деятельностью в СССР, стал усиленно форсировать организацию убийства товарищей Сталина и Ворошилова. В этих целях он принимает ряд мер по восстановлению террористических групп в СССР и активизации их деятельности, перебрасывая для этого из-за границы в СССР своих проверенных агентов и используя, кроме того, в этих же целях приезжающих из СССР за границу под видом служебных командировок членов подпольных троцкистских организаций.

Следствием установлено, что в качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время были переброшены обвиняемые В. Ольберг, Берман-Юрин, Фриц Давид (Круглянский), Моисей Лурье, Натан Лурье и некоторые другие, получившие непосредственно от Л. Д. Троцкого и его сына Седова (Л. Л. Троцкого) задания во что бы то ни стало организовать убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича и других руководителей партии.

Один из троцкистских агентов — В. Ольберг, прибывший в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, будучи арестован и привлечен к следствию, показал:

«...Активной троцкистской деятельностью, как я уже показал, я начал заниматься с начала 1930 года. Кроме перечисленных мною лиц, я был лично связан с Троцким и его сыном Львом Седовым, выполнял ряд персональных поручений Троцкого по линии троцкистской организации и являлся его эмиссаром в Германии. Как эмиссар Троцкого в Германии, я вел работу как внутри троцкистской организации в Берлине, так и по нелегальной связи с Советским Союзом. Связь с Советским Союзом я осуществлял по адресам и явкам, которые мне давал Лев Седов».

(т. 21, л. д. 24).

В. Ольберг признал, что он нелегально приехал в СССР с целью ведения троцкистской контрреволюционной работы и организации террористического акта над товарищем Сталиным.

На допросе 21 февраля с. г. В. Ольберг показал, что во время одного из свиданий с сыном Л. Троцкого — Седовым последний показал ему письмо Троцкого, в котором Троцкий предложил откомандировать Ольберга с группой немецких троцкистов в Советский Союз для подготовки и организации убийства Сталина.

«...В этом письме, — показал В. Ольберг, — Троцкий писал Седову, что он полностью согласен с выдвинутой им моей кандидатурой на поездку в Советский Союз. Троцкий писал, что он считает меня абсолютно подходящим человеком, на которого можно вполне положиться в таком остром деле».

К этому Ольберг прибавил:

«Седов мне заявил, что я обязан любыми путями скрыть роль Троцкого в организации террористического акта над Сталиным и что даже, если я буду арестован при обстановке, где моя роль, как террориста будет совершенно очевидна, я должен скрыть, что я троцкист и выполняю террористический акт по заданию Троцкого».

(т. 21, л. д. 77, 78).

Как установлено следствием, В. Ольберг прибыл в СССР по паспорту подданного республики Гондурас, полученному при помощи немецкой тайной полиции (Гестапо). По этому поводу на допросе В. Ольберга в прокуратуре Союза, последний показал:

«...Седов обещал помочь достать паспорт, чтобы вновь вернуться в СССР. Но мне удалось достать паспорт через своего младшего брата Пауля Ольберга. Благодаря своим связям с германской полицией и ее агентом в Праге Тукалевским В., я получил паспорт гражданина республики Гондурас за взятку. Деньги за паспорт 30 тысяч чехословацких крон я получил от Седова, вернее от троцкистской организации по поручению Седова».

(т. 21, л. д. 262).

Будучи переброшен по новому своей связи с Гестапо, В. Ольберг 31 июля с. г. показал:

«Подтверждая также показание от 9 мая с. г., подчеркиваю, что моя связь с Гестапо вовсе не была исключением, чтобы об этой связи можно было говорить, как о каком то грехопадении отдельного троцкиста. Это была линия троцкистов в соответствии с директивой Л. Троцкого, данной через Седова. Связь шла по линии организации в СССР террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства».

«...Я несколько раз встречался с видным чиновником Гестапо, фамилия которого мне названа не была, а я не считал удобным этим интересоваться. С этим чиновником я беседовал о своем первом путешествии в Москву и о своих планах по подготовке теракта. Тот чиновник знал о моем брате, как об агенте Гестапо, к которому он и рекомендовал, в случае необходимости, обращаться за содействием».

(т. 21, л. д. 263-264).

Это показание В. Ольберга полностью подтвердил и арестованный по другому делу его брат Пауль Ольберг, также являющийся агентом германской тайной полиции. Именно он, Пауль Ольберг, связал своего брата В. Ольберга, как они оба об этом показывают, с Гестапо и оказал В. Ольбергу содействие в получении из Гестапо паспорта гражданина республики Гондурас, каковой паспорт и приобщен к настоящему делу в качестве вещественного доказательства.

Пауль Ольберг также подтвердил, что поездка в СССР В. Ольберга была организована с террористическими целями.

«...Валентин Ольберг мне сообщил, — заявил Пауль Ольберг на допросе 16 мая с. г.,—что сотрудником германской тайной полиции ему было заявлено, что всем лицам, участвующим в подготовке и совершении террористического акта, будет предоставлено убежище в Германии».

(т. 24, л. д. 231).

Другой троцкистский агент, переброшенный в СССР с террористическими заданиями — Берман-Юрин показал:

«...Моя личная роль заключалась в том, что я прибыл в СССР, как особо доверенное лицо Льва Давыдовича Троцкого, со специальными заданиями и директивами от него».

(т. 4, л. д. 30).

Как установлено следствием, эти «специальные задания и директивы» заключались в организации убийства товарища Сталина. Это признал обвиняемый Берман-Юрин, показавший, что, встретившись в Копенгагене с Л. Троцким, он получил от Троцкого указание о необходимости убийства товарища Сталина.

«...В этой беседе, — показал обвиняемый Берман-Юрин, — Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен».

(т. 4, л. д. 36).

«...Троцкий подчеркнул, что покушение должно быть подготовлено чрезвычайно тщательно и осмотрительно приурочено к какому-нибудь большому политическому событию международного значения; предпочтительнее всего, если представится случай, приурочить покушение к какому-нибудь пленуму Коминтерна или Конгрессу.

Троцкий указал, что такой террористический акт на Конгрессе или на пленуме сразу придаст этому акту характер международного политического события, всколыхнет массы далеко за пределами СССР и вызовет мощное движение.

Троцкий сказал мне, что этот террористический акт против Сталина не должен быть совершен конспиративно, в тиши, что его убийство должно быть совершено публично перед международным форумом».

(т. 4, л. д. 38, 39).

Одновременно с Берманом - Юриным Л. Троцким был переброшен в СССР для подготовки террористических актов и обвиняемый Фриц Давид (Круглянский И. И.).

Фриц Давид (Круглянский И. И.) осенью 1932 года также имел встречу с Л. Троцким, устроенную ему Седовым. В беседе с ним Троцкий предложил Фрицу Давиду (Круглянскому И. И.) взять на себя, как он выразился, «историческую миссию» — убить тов. Сталина.

Фриц Давид (Круглянский И. И.) показал:

«...Предложив мне поехать в СССР для убийства Сталина, Троцкий рекомендовал в целях конспирации не поддерживать открытых связей с троцкистами и оставаться внешне на позициях ЦК КПГ.

Этот разговор с Троцким происходил в ноябре 1932 года и я принял его предложение убить Сталина».

(т. 8, л. д. 53).

Берман-Юрин, прибыв в СССР, нашел Фрица Давида по явке, данной ему Седовым. Фриц Давид (Круглянский И. И.) и Берман-Юрин решили осуществить убийство товарища Сталина на VII Конгрессе Коминтерна. Однако, это им привести в исполнение не удалось, вследствие того, что Берман-Юрин не смог проникнуть на Конгресс, а Фриц Давид (Круглянский И. И.), хотя и проник на Конгресс, не смог осуществить своего преступного намерения, так как далеко сидел от президиума и не имел никакой возможности приблизиться к товарищу Сталину.

Как признали на следствии оба обвиняемые, на VII Конгрессе Фриц Давид (Круглянский И. И.) должен был стрелять в товарища Сталина из браунинга, который он получил от Бермана-Юрина

(т. 8, л. д. 77).

Следствием также установлено, что террористическая группа, возглавлявшаяся переброшенным Л. Троцким из-за границы его агентом Моисеем Лурье, была фактически организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гиммлера, являвшегося в то время руководителем охранных фашистских отрядов, а сейчас являющегося руководителем германской охраны (Гестапо).

(Продолжение на 3 стр.).

Окончание обвинительного заключения.

По этому поводу М. Лурье на допросе от 21 июля с. г. показал:

«Натан Лурье ответил, что он, как и прежде, так и сейчас является убежденным троцкистом, и сообщил, что с апреля 1932 года здесь, в Москве, организована количественно небольшая, но выдержанная по своему составу террористическая группа...».

«... На мой вопрос, по чьей директиве и по чьей инициативе организована эта боевая группа, Н. Лурье ответил, что боевая группа была создана неким Францем Вайцем...»

«.. На вопрос, кто такой Франц Вайц, Н. Лурье, сначала весьма неохотно, дал мне следующий ответ: Франц Вайц является активным членом национал-социалистической партии Германии и доверенным лицом Гимлера (нынешний руководитель Гестапо Германии). Гимлер тогда являлся руководителем «СС» — черных охранников...»

«... Основной задачей группы, по словам Вайца, является подготовка террористических актов против Сталина, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе...».

(т. 32, л. д. 243, 244).

Об этом сообщении Н. Лурье обвиняемый М. Лурье подробно информировал Зиновьева, желая выяснить отношение Зиновьева к связи с фашистами и немецкой охранкой.

Выслушав сообщение М. Лурье, Зиновьев ответил:

«Что же здесь вас смущает? Вы же историк. Моисей Ильич, вы знаете дело Лассаля с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

«... Этой исторической параллелью, — добавил М. Лурье, — Зиновьев хотел убедить в возможности и необходимости использования союза с социал-националистами в борьбе против ВКП(б) и советского правительства».

(т. 32, л. д. 252).

Показание М. Лурье полностью подтвердил Н. Лурье, показав на допросе от 21 июля:

«Я должен показать что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно подготовляла террористический акт над Наркомом обороны Ворошиловым...».

«... Это задание я получил от германского инженера-архитектора, члена национал-социалистической партии Германии Вайца Франца, представителя Гимлера, нынешнего руководителя Гестапо».

«... В августе 1932 года, уезжая в отпуск в Германию, Франц Вайц возложил на меня руководство боевой террористической группой и поставил перед этой задачу подготовить и совершить террористические акты над Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым».

(т. 33, л. д. 141-142).

Таким образом, обвиняемые М. Лурье и Н. Лурье, вступив в непосредственную организационную связь с немецкими фашистами и немецкой охранкой, предали интересы советского государства и изменили родине.

Наконец, установленные следствием обстоятельства показывают, что руководители троцкистско-зиновьевского блока—Л. Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие в своей борьбе против советского государства пали до того, что в своих нравах оказались более презренными, чем самые заковренные банды уголовных преступников. Организуя террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского государства, руководители об'единенного центра одновременно подготовляли и истребление своих собственных агентов - террористов в целях окончательного уничтожения всяких следов совершенных ими преступлений.

По этому поводу обвиняемый Рейнгольд показал следующее:

«Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити подготовлявшегося ими государственного заговора. Поэтому они считали важнейшей задачей уничтожение каких бы то ни было следов совершенных преступлений. С этой целью предполагалось Бакаева назначить председателем ОГПУ. На него возлагалась задача физического уничтожения, как непосредственных исполнителей террористических актов над Сталиным и Кировым, так и тех работников ОГПУ, которые могли бы держать в своих руках нити совершенных преступлений.

(т. 27 л. д. 163, 164).

II. Об'единенный троцкистско-зиновьевский центр и убийство тов. С. М. Кирова.

Уже по делу Николаева, Румянцева, Котолынова и других, расстрелянных по приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по обвинению в убийстве 1 декабря 1934 года тов. С. М. Кирова, была установлена непосредственная связь совершившей это убийство ленинградской группы зиновьевцев с обвиняемыми Зиновьевым, Каменевым и Бакаевым, осужденными ранее по делу, так называемого, «московского центра».

В настоящее время следствие располагает данными, с несомненностью установившими, что убийство товарища С. М. Кирова было совершено по решению об'единенного троцкистско-зиновьевского центра

Это обстоятельство на предварительном следствии признали большинство активных участников, различных террористических троцкистско-зиновьевских групп и в том числе обвиняемые: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский и другие.

Обвиняемый Евдокимов полностью это показал, заявив на допросе 10 августа с. г. следующее:

«... На судебном процессе по делу убийства Кирова я — Евдокимов, Зиновьев, Каменев, Бакаев, Гертик и другие обманули органы власти и суд, утаив, что убийство Кирова было подготовлено и осуществлено нами — участниками троцкистско - зиновьевского блока.

Убийство Кирова было осуществлено ленинградским террористическим центром по прямой директиве об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока».

(т. 36, л. д. 6).

«... В 1934 году Зиновьев, действуя от имени троцкистско-зиновьевской организации, дал прямую директиву Бакаеву—организовать убийство Кирова.

В принятии решения об убийстве Кирова участвовали помимо Зиновьева — Каменев, я—Евдокимов, Бакаев, а также представители троцкистов в лице Мрачковского и Тер-Ваганяна. Бакаев, с целью подготовки убийства, выехал осенью 1934 года в Ленинград, связался там с активными участниками нашей организации: Котольновым, Левиным, Румянцевым, Мандельштамом и Мясниковым, составлявшими, так называемый, ленинградский террористический центр.

При ленинградском центре была активная группа террористов, которая непосредственно вела подготовку убийства Кирова».

(т. 36, л. д. 6).

После упорного запирательства обвиняемый Зиновьев, уличенный рядом показаний других обвиняемых, должен был признать, что еще в 1932 году об'единенный троцкистско-зиновьевским центром было принято решение об организации террористический акт над товарищем Сталиным в Москве и товарищем Кировым в Ленинграде.

«Осенью 1932 года,—показал обвиняемый Зиновьев,—на моей даче в Ильинском в присутствии Каменева, Бакаева, Евдокимова и Карева мною поручено было Бакаеву подготовить террористический акт над Сталиным, а Кареву — над Кировым».

(т. 12, л. д. 36).

Обвиняемый Зиновьев также показал:

«В 1934 году, месяца точно не помню, в середине года мне Евдокимов рассказывал об одной из поездок Гертика в Ленинград, во время которой Гертик связался с Котольновым, причем в результате этой встречи Котольнов заявил Гертику, что он принимает непосредственное участие в подготовке убийства Кирова».

(т. 12, л. д. 37, 38).

Об этом показал также обвиняемый Каменев, подтвердивший факт совещания в Ильинском, на котором было решено осуществить террористические акты против тт. Сталина и Кирова. Обвиняемый Каменев показал:

«Вынужден признать, что во совещании в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова, при этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов, Мрачковский и Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого, что они требуют практического перехода к этому мероприятию и осуществления тех начал, которые были положены в основу блока».

(т. 15, л. д. 15-16).

К этому обвиняемый Каменев добавил:

«Я к этому решению присоединился, т. к. целиком его разделял».

(т. 15, л. д. 16).

Как установлено следствием, практическое осуществление плана организации убийства тов. Кирова было возложено об'единенным центром на члена этого центра И. П. Бакаева.

Об этом прямо показывает обвиняемый Зиновьев, признавший, что именно Бакаеву от имени об'единенного центра им, Зиновьевым, была поручена организация террористических актов над тов. Сталиным в Москве и тов. Кировым в Ленинграде.

(т. 12, л. д. 36).

О роли Зиновьева, Бакаева и всего об'единенного троцкистско-зиновьевского центра в деле убийства тов. С. М. Кирова подробно показал обвиняемый Рейнгольд, заявивший следующее:

«Лично от Зиновьева мне известно, что убийство Кирова в Ленинграде подготовлялось по его прямой директиве и директиве центра троцкистско-зиновьевского блока. При этом разговоре с Зиновьевым, имевшем место в августе 1934 года на его квартире он, как я уже показал, упрекнул московскую боевую организацию в медлительности и слабой активности.

Мотивируя необходимость совершения террористического акта против Кирова, Зиновьев говорил, что Кирова надо физически уничтожить, как ближайшего помощника Сталина. Он добавил при этом, что «надо срубить дуб, надо срубить все молодые подубки, которые около этого дуба растут». Необходимость убийства Кирова Зиновьев мотивировал также тем, что Киров является руководителем ленинградской организации и лично ответственен за разгром оппозиции в Ленинграде.

Как я уже показал, руководство ленинградской боевой организацией непосредственно осуществлялось Бакаевым. Организационную связь с этой организацией держал также Файвилович».

(т. 27, л. д. 70).

Упорно запиравшийся в вопросе о своем участии в организации убийства тов. Кирова, обвиняемый Бакаев под тяжестью предъявленных ему улик показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство Сталина в Москве, а Кареву—убийство Кирова в Ленинграде. Я предложил Кареву для этой цели установить контакт в Ленинграде с участниками организации — Владимиром Левиным и Агишевым, а Зиновьев в свою очередь предложил мне связать Карева в Ленинграде также с Румянцевым».

(т. 1, л. д. 89).

О роли Бакаева, как одного из главных организаторов убийства тов. Кирова, показал также арестованный по другому делу Н. А. Карев. На допросе 5 июля 1936 года Карев Н. А. заявил:

«Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этой цели свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и в Москве».

(т. 3, л. д. 11).

К этому Карев добавил:

«При разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде, связанные с ним Бакаевым, зиновьевские группы Румянцева и Котольнова».

(т. 3, л. д. 11).

Это полностью подтвердил на следствии и обвиняемый Евдокимов, показавший следующее:

«От Бакаева мне известно, что осенью 1934 года он, Бакаев, совместно с одним троцкистом-террористом, фамилию которого я не знаю, выезжал в Ленинград для связи с ленинградским террористическим центром по организации убийства Кирова.

Во время этой поездки Бакаев и указанный выше троцкист-террорист виделись с Николаевым и договорились о совершении им убийства Кирова».

(т. 36, л. д. 7, 8).

И далее:

«Бакаев передавал, что террористы выражали уверенность в успехе террористического акта; они считали себя в безопасности. Исходили из того, что все они, в том числе и такие активные зиновьевцы, как: Румянцев, Левин, Мясников, Мандельштам и другие, пользуются доверием со стороны ряда руководящих работников партийных и советских организаций в Ленинграде. Это обеспечивало им полную возможность без всякого опасения провала вести подготовку террористического акта против Кирова».

(т. 36, л. д. 9).

Следствием установлено, что после принятия об'единенным зиновьевско-троцкистским центром решения об убийстве тов. С. М. Кирова, Каменев в июне 1934 года специально выехал в Ленинград для проверки хода работы по организации террористического акта над тов. Кировым.

Зиновьев также волевски форсировал совершение убийства тов. Кирова, упрекая участников террористической группы, как об этом показал арестованный по другому делу Маторин Н. М., бывший личный секретарь Зиновьева, в медлительности и нерешительности.

Маторин показал:

«Зиновьев мне сказал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к концу Киров должен быть убит. Зиновьев упрекал меня в недостаточной решительности и энергии. Он сказал, что в вопросе террористических методов борьбы надо отказаться от предрассудков».

(т. 14, л. д. 63, 64).

III. Организация об'единенным троцкистско-зиновьевским центром террористических актов против товарищей Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева.

Материалами следствия установлено, что об'единенный троцкистско - зиновьевский террористический центр после того, как убил тов. Кирова, не ограничивался организацией убийства одного лишь тов. Сталина. Террористический троцкистско-зиновьевский центр одновременно вел работы по организации убийства и других руководителей партии, а именно: тт. Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева.

Обвиняемый Рейнгольд показал, что Зиновьев, говоря о необходимости убийства т. Кирова, как ближайшего помощника тов. Сталина, добавил:

«Мало срубить дуб, надо срубить все молодые подубки, которые около дуба растут».

(т. 27, л. д. 70).

По показаниям Рейнгольда:

«Основное указание Зиновьева сводилось к следующему: необходимо направить удар против Сталина, Кагановича и Кирова».

(т. 27, л. д. 63).

Обвиняемый Рейнгольд подтвердил, что:

«Расчет об'единенного центра был построен на том, чтобы оглушительным одновременным ударом в Москве и Ленинграде вызвать полную растерянность в партии и стране».

(т. 27, л. д. 163).

Убийство т.т. Ворошилова, Кагановича, Жданова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева пытались осуществить различные террористические группы, действовавшие под общим руководством об'единенного центра.

Так, по организации террористического акта над тов. Ворошиловым работала группа Дрейцера, получившая задание об убийстве Ворошилова непосредственно от Троцкого, и группа, переброшенная из Германии для этих же целей, троцкиста М. Лурье.

По поводу подготовки убийства товарища Ворошилова один из членов об'единенного центра, обвиняемый Мрачковский, показал:

«В середине 1934 года Дрейцер мне докладывал, что им подготавливалось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии.

Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов».

(т. 18, л. д. 49).

Обвиняемый Дрейцер на допросе в Прокуратуре Союза 31 июля по этому поводу показал:

«Для совершения теракта я привлек Эстермана и Гаевского, а в 1935 году Шмидта и Кузьмичева. Последние взялись убить Ворошилова».

(т. 10, л. д. 195).

Показания Мрачковского и Дрейцера также подтвердил и обвиняемый Рейнгольд, показавший следующее:

«Мне известно от Мрачковского и от Дрейцера, что летом 1933 года была организована под руководством Дрейцера троцкистская группа из военных, куда вошли: Шмидт — командир одной из бригад Красной армии, Кузьмичев—начальник штаба одного из военных соединений и ряд других лиц, фамилии которых я не знаю. От Дрейцера мне известно, что непосредственными исполнителями террористического акта против Ворошилова были намечены Шмидт и Кузьмичев, которые дали согласие на выполнение этого акта. Предполагалось, что они для этого либо воспользуются одним из приемов у Ворошилова, либо используют посещение Ворошиловым их войсковых частей.

(т. 27, л. д. 165, 166).

Следствием также установлено, что ряд террористических групп (Дрейцера, М. Лурье и другие) готовили в тот же период времени покушения на тт. Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Формула обвинения.

Анализируя вышеизложенное, следствие считает установленным:

1) Что в период 1932-1936 г.г. организовался в городе Москве об'единенный троцкистско-зиновьевский центр, поставивший своей задачей, в целях захвата власти, совершение ряда террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

2) Что в состав этого об'единенного троцкистско-зиновьевского центра из числа привлеченных в качестве обвиняемых по настоящему делу вошли от зиновьевцев: Зиновьев Г. Е., Каменев Л. Б., Евдокимов Г. Е., Бакаев И. П. и от троцкистов: Смирнов И П., Тер-Ваганян В. А. и Мрачковский С. В.

3) Что в этот период времени об'единенным троцкистско-зиновьевским центром был организован ряд террористических групп и был подготовлен ряд практических мероприятий по убийству тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Кирова, Косиора, Орджоникидзе и Постышева.

4) Что, одной из этих террористических групп, действовавших по прямым указаниям Зиновьева и Л. Троцкого и об'единенного троцкистско-зиновьевского центра и под непосредственным руководством обвиняемого Бакаева, было осуществлено первого декабря 1934 года злодейское убийство товарища С. М. Кирова — то-есть в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

8. Дрейцер Ефим Александрович, 1894 г. рожд., служащий.

9. Рейнгольд, Исаак Исаевич, 1897 г. рожд., служащий.

10 Пикель, Ричард Витольдович, 1896 г. рожд., служащий.

11. Гольцман, Эдуард Соломонович, 1882 г. рожд., служащий.

12. Фриц Давид, он же Круглянский Илья — Давид Израилевич, 1897 г. р., служащий

13. Ольберг, Валентин Павлович, 1907 г. рожд., служащий.

14. Берман-Юрин Конон Борисович (он же Александр Фомич), 1901 г. р., служащий.

15. Лурье, Моисей Ильич (он же Эмиль Александр.) 1897 г. рожд., служащий.

16. Лурье, Натан Лазаревич, 1901 г. р., служащий —

в том, что будучи членами подпольной террористической троцкистско-зиновьевской организации, приняли участие в подготовке убийства тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе и Постышева,—то-есть, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Изобличенные материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, находящиеся за границей Л. Троцкий и его сын Седов Л. Л., в случае их обнаружения на территории Союза ССР, подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Дела в отношении Гертик, Гринберга, Гавена Ю., Карева, Кузьмичева, Константа, Маторина, Ольберга Паули, Радина, Сафоновой, Файвилович, Шмидта Д. Н., Эстермана, в виду продолжающегося следствия, выделены в особое производство.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 11 августа сего года все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в открытом судебном заседании

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 14 августа 1936 года.

Прокурор Союза ССР
А. ВЫШИНСКИЙ.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Вечернее заседание 19 августа.

Допрос подсудимого Дрейцера.

Первым на вечернем заседании 19 августа допрашивается подсудимый Дрейцер. Дрейцер является одним из виднейших троцкистов, лично тесно связанным с Троцким. Был начальником личной охраны Троцкого. Вместе с Троцким организовал контрреволюционную демонстрацию седьмого ноября 1927 года. Когда Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате, Дрейцер организовал связь между Троцким и московским троцкистским центром.

Подсудимый Дрейцер показывает, что троцкистско - зиновьевское подполье было строго централизованной и дисциплинированной контрреволюционной организацией.

Подробно рассказывая о своей террористической деятельности, Дрейцер заявляет, что директивы о терроре против руководителей партии и правительства троцкистская часть контрреволюционного блока получила из-за границы от Л. Д. Троцкого, а в СССР — от И. Н. Смирнова со ссылкой на указания Троцкого.

Осенью 1931 года Дрейцер по поручению И. Н. Смирнова использовал свою служебную командировку в Берлин для установления связи с Троцким. Конкретное задание Смирнова заключалось в том, чтобы выяснить отношение Троцкого к вопросу о блоке троцкистов с зиновьевцами. В Берлине Дрейцер два раза встречался в кафе на Лейпцигерштрассе с Седовым (сыном Троцкого). Седов сказал ему тогда, что директивы Троцкого будут присланы позднее.

В октябре 1934 года сестра Дрейцера привезла ему из Варшавы написанное химическими чернилами собственноручное письмо Троцкого, заключавшее в себе директиву немедленно подготовить и осуществить террористические акты против Сталина и Ворошилова. По словам Дрейцера, это письмо, согласно предварительного уговора с Седовым, было переслано последним сестре Дрейцера в Варшаву. Письмо это Дрейцер немедленно переслал Мрачковскому.

О необходимости взять курс на террористические методы борьбы Дрейцеру говорил еще в сентябре - октябре 1931 года И. Н. Смирнов. А осенью 1932 года Дрейцер получил от И. Н. Смирнова, на квартире последнего, прямую директиву об организации террористических актов против Сталина и Ворошилова.

Выполняя директивы Л. Д. Троцкого и троцкистско - зиновьевского террористического центра, переданные ему Смирновым и Мрачковским, Дрейцер организовал две террористические группы: группу Гаевского, которой было поручено осуществление террористического акта против товарища Сталина и группу Эстермана, которой было поручено убить товарища Ворошилова.

В связи с показаниями Дрейцера, прокурор задает вопросы Мрачковскому и И. Н. Смирнову.

Мрачковский полностью подтверждает показания Дрейцера.

Смирнов, продолжая свою тактику, пытается запутать следствие. Он говорит, что действительно принимал у себя на квартире Дрейцера, как активного троцкиста, но вел с ним, якобы, разговоры не о терроре, а «об общем положении в стране».

Возмущенные запирательством своего сообщника и вдохновителя, Мрачковский и Дрейцер заявляют:

— «Смирнов врет!».

О позиции Смирнова И. Н. на вопрос тов. Вышинского отвечает Зиновьев.

Зиновьев: — Смирнов больше, чем кто-либо, проявлял активность и рассматривался нами, как бесспорный глава троцкистской части блока, как человек, наиболее осведомленный о настроениях Троцкого и целиком их разделяющий.

Вышинский: — И вы лично от Смирнова слышали ряд предложений?

Зиновьев: — Я лично вел с ним переговоры 2-3 раза.

Вышинский: — Во время этих переговоров Смирнов проявлял ли напористость, нажимал ли на террористические акты?

Зиновьев: — Как я уже говорил, Смирнов горячо и убедительно настаивал, хотя убеждать нас не надо было, мы были убеждены.

После окончания допроса Дрейцера тов. Вышинский делает следующее заявление:

Вышинский: — «Я прошу суд обратить внимание на то, что показаниями Зиновьева, Рейнгольда и Дрейцера устанавливается, что после 1932 года шла практическая подготовка к террористическим актам, причем Дрейцер это осуществлял по непосредственным указаниям Смирнова, а Смирнов настаивал перед Зиновьевым на переходе к террористической деятельности. Я прошу на это обратить внимание, как на вывод из того следствия, которое мы до сих пор провели».

Допрос подсудимого Рейнгольда.

Суд переходит к допросу подсудимого Рейнгольда.

— Я, — говорит Рейнгольд, — был связан организационно и лично с рядом членов троцкистско - зиновьевского террористического центра: с Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым и другими. Велись переговоры о совместной деятельности с «леваками»—Шацкиным, Ломинадзе, Стэном, а также с представителями правого уклона — Рыковым, Бухариным и Томским.

Вышинский: — Как увязывалась у Зиновьева и Каменева террористическая деятельность с марксизмом?

Рейнгольд: — У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и несовместим с марксизмом, но в данный момент это надо отбросить. Сталин об'единяет всю силу и твердость теперешнего партийного руководства. Поэтому в первую голову надо убрать Сталина. Каменев развивал ту же теорию, указывая, что единственным методом борьбы являются террористические действия против Сталина и его ближайших соратников: Кирова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Постышева, Косиора и других.

— Для этой цели, — продолжает Рейнгольд, — было решено создать организацию из наиболее отобранных, решительных людей, которая могла бы эту задачу довести до конца.

Дальше Рейнгольд рассказывает суду о том чудовищном двурушничестве, которое возвели в систему Зиновьев и Каменев. Зиновьев и Каменев, — говорит Рейнгольд, —настаивали на том, чтобы всячески использовать все легальные возможности для того, чтобы «вползти на брюхе в партию»,— это любимое выражение Зиновьева — и завоевать доверие партии, в частности Сталина. После того, как это доверие будет восстановлено, должна была вестись параллельно глубоко законспирированная террористическая работа, которая должна была остаться неизвестной партии.

Вышинский: — Позвольте спросить Зиновьева и Каменева. Обвиняемый Зиновьев, это показание Рейнгольда вас уличает в тяжелом преступлении. Вы признаете себя виновным?

Зиновьев: — Да.

Вышинский. — Обвиняемому Каменеву я задаю тот же вопрос.

Каменев: — Я отвечаю положительно.

При дальнейшем опросе Рейнгольда выясняется, что Рейнгольд получил от Каменева и Зиновьева ряд ответственных заданий, в частности, задание — создать за границей специальный валютный фонд для финансирования контрреволюционной организации на случай высылки Каменева и Зиновьева за границу.

Вышинский: — Обвиняемый Каменев, был такой разговор?

Каменев: — Это было в 1929 году, когда я и Зиновьев предполагали, что мы можем быть высланы за границу, как и Троцкий, а поэтому считали необходимым создать за границей некоторый фонд для поддержки и продолжения той работы, которую мы вели здесь.

Вышинский: — Из каких средств вы думали создать этот фонд?

Каменев: — У нас были намечены средства.

Вышинский: — Вы обратились за помощью к Рейнгольду?

Каменев: — Не за помощью, а просто с поручением членам нашей организации Рейнгольду и Аркусу о создании этого фонда. Рейнгольд и Аркус были финработниками, которыми руководил Сокольников.

Вышинский: — Этот фонд вы предполагали организовать за счет государства?

Каменев: — Во всяком случае не из личных средств Рейнгольда.

Вышинский: — Вернее говоря, вы хотели обокрасть государство.

Обвиняемый Рейнгольд, отвечая на вопрос тов. Вышинского, как ставился в троцкистско - зиновьевском центре вопрос о скрытии следов преступления, сообщает, что троцкистско - зиновьевский центр в случае своего прихода к власти, имел в виду уничтожить всех тех работников ГПУ, которые, по его предположению, могут иметь в своих руках нити подготовлявшегося «государственного террористического заговора».

«Предполагалось и Зиновьевым и Каменевым, об этом они делились со мною, — показывает Рейнгольд, — что Бакаев должен будет назавтра после переворота, после захвата власти, стать во главе ГПУ, в качестве председателя ГПУ. Опираясь на аппарат ГПУ, он должен был помочь скрыть следы, должен был уничтожить, убить не только тех сотрудников и работников НКВД-ГПУ, которые могли бы иметь кое-какие нити заговора, но и всех непосредственных исполнителей террористических актов против Сталина и его ближайших помощников. Своих активистов, своих террористов-боевиков, которые были замешаны в этом деле, должна была уничтожить троцкистско-зиновьевская организация, руками Бакаева».

После захвата власти предполагалось, — продолжает свои показания Рейнгольд,—вызвать из-за границы Троцкого, и, опираясь на Троцкого, убрать с партийных и советских постов всех лиц, наиболее преданных Сталину, и таким образом полностью захватить в свои руки власть в стране.

Из об'яснений Рейнгольда, а также вопросов тов. Вышинского Бакаеву и Зиновьеву, выясняется роль Бакаева, как организатора террористических групп, в которые подбирали особо «надежных» людей.

Из таких надежных людей они называют: бывш. секретаря Зиновьева — Богдана, активных зиновьевцев Радина и Файвиловича и расстрелянных по делу об убийстве тов. Кирова, всем известных террористов Румянцева и Котолынова.

Вышинский (обращаясь к Бакаеву):—У Богдана какие-либо поручения были?

Бакаев: — Да.

Вышинский. — От кого?

Бакаев: — От Зиновьева. По поручению Зиновьева Богдан должен был стрелять в Сталина в секретариате ЦК.

Вышинский: — Обвиняемый Зиновьев, вы слышали показания Бакаева?

Зиновьев: — Правильно то, что я рекомендовал Бакаеву привлечь Богдана для покушений, в том числе и на Сталина.

Допрос подсудимого Бакаева.

После Рейнгольда дает показания активнейший террорист, весьма близкий к Зиновьеву и Каменеву — Бакаев. Бакаев — непосредственный организатор террористических актов против товарища Сталина и товарища Кирова. Он подробно рассказывает суду о том, как происходила подготовка этих подлых замыслов. Бакаев называет имена участников подготовки террористических актов. Сообщники эти — Рейнгольд, Пикель, Файвилович, Радин и другие.

Бакаев показывает суду, как старались прятать концы в воду террористы из троцкистско - зиновьевского центра, как стремились они сохранить свою конспирацию. Осенью 1932 года Зиновьев и Каменев были исключены из партии. Стал вопрос: как быть дальше. Тогда состоялась встреча Бакаева с Зиновьевым, Евдокимовым, Куклиным, Шаровым, Дрейцером и другими и было решено временно приостановить террористическую деятельность. Осенью 1934 года она возобновилась. Бакаев подчеркивает в своем показании, что в этот период руководители террористического центра стали особенно форсировать подготовку террористических актов и в первую очередь — покушения на Сталина. Тогда же Каменев поручил Бакаеву поехать в Ленинград и проверить, как там идет подготовка террористического акта против тов. Кирова.

При этой поездке в Ленинград Бакаев познакомился на заседании террористического центра, где присутствовали Румянцев, Котолынов, Левин, Мандельштам и другие, с террористом Николаевым, который был намечен для непосредственного выполнения террористического акта против Кирова. Николаев, как заявляет Бакаев, произвел на него впечатление решительного и убежденного террориста. Было условлено, что террористы будут стрелять в Кирова лишь после сигнала из Москвы. Этот сигнал должны были дать Бакаев или Гертик от имени Бакаева.

Давая свои показания, Бакаев пытается преуменьшить свою вину.

Он говорит, что из всей деятельности террористического центра он знал только о решении убить Сталина и Кирова, а о других подготовлявшихся террористических актах он узнал только из обвинительного заключения, что он был только «соорганизатором» в подготовке злодейского убийства С. М. Кирова.

Вышинский: — Вы были не один, Евдокимов был с вами. Обвиняемый Зиновьев, и вы были организатором убийства тов. Кирова?

Зиновьев: — По-моему Бакаев был прав, когда он говорил, что действительными и главными виновниками злодейского убийства Кирова являлись в первую очередь, я — Зиновьев, Троцкий и Каменев, организовав об'единенный террористический центр. Бакаев играл в нем крупную, но отнюдь не решающую роль.

Вышинский: — Решающая роль принадлежала вам, Троцкому и Каменеву. Обвиняемый Каменев, присоединяетесь ли вы к заявлению Зиновьева, что главными организаторами были вы, Троцкий и Зиновьев, а Бакаев играл роль практического организатора, но он солидаризировался с вами?

Каменев: — Да.

Допрос подсудимого Пикеля.

Верховный суд переходит к допросу обвиняемого Пикеля. Пикель — одно из доверенных лиц Зиновьева, заведывал ряд лет его секретариатом. Пикель признает, что как активный член московского террористического центра он был в курсе всех основных решений и террористических мероприятий об'единенного центра. Осенью 1932 года Пикель вошел в состав боевой террористической организации, руководителем которой являлся Бакаев, и согласился участвовать в покушении на товарища Сталина. Пикель подтверждает показания Рейнгольда и Бакаева, что ему известно со слов Богдана, что Зиновьев непосредственно руководил подготовкой этого покушения.

Пикель дополняет показания Бакаева и отмечает, что осенью 1933 года Богданом была произведена новая попытка покушения на товарища Сталина. В связи с этим, Пикель рисует гнусную атмосферу, существовавшую в террористическом центре, члены которого, практически решали задачу заметания следов террористических преступлений. Пикель признает, что самоубийство Богдана является, в сущности, убийством по решению террористической организации за то, что Богдан не выполнил террористического акта против товарища Сталина осенью 1933 года. В этом преступлении особенно актив-

(Продолжение на следующей странице).

Окончание вечернего заседания 19 августа.

нтю роль играл Бакаев. Бакаев провел с Богданом накануне его самоубийства целую ночь и беседа сводилась к тому, что Бакаев убеждал Богдана или осуществить покушение на тов. Сталина, или покончить самоубийством.

Богдан покончил с собой, причем, как ему было предложено, оставил записку, изображая себя жертвой партийной чистки, которая тогда происходила.

Далее Пикель рассказывает о подготовке террористического акта против товарища Сталина в 1934 году. Участие Пикеля здесь заключалось в том, что он связал Бакаева с Радиным, который был Пикелем подготовлен для выполнения этого террористического акта.

В 1934 году Пикель с целью замести следы уехал в командировку на Шпицберген. После приезда оттуда он встретился с Дрейцером и возобновил свою террористическую деятельность. Дрейцер сообщил ему, что готовятся покушения на Кагановича, Ворошилова и других руководителей партии и правительства.

Допросом Пикеля заканчивается вечернее заседание Верховного суда 19 августа.

Утреннее заседание 20 августа.

Допрос подсудимого Каменева.

Утреннее заседание 20 августа начинается с допроса подсудимого Л. Б. Каменева.

«Террористический заговор — показывает Каменев — был организован и руководим мною, Зиновьевым и Троцким. Я пришел к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа в стране социализма, что эта политика признана трудящимися массами. Ставка наша на возможность раскола в партийном руководстве также оказалась битой. Мы рассчитывали на правую группу Рыкова, Бухарина и Томского. Устранение этой группы от руководства и дискредитация ее перед трудящимися выбили из наших рук и этот козырь. Рассчитывать на какие-либо серьезные внутренние трудности для свержения руководства, которое провело страну через труднейшие этапы, через индустриализацию и коллективизацию, не приходилось. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы и без знамени, путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь. Мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, с которой некогда были близки и от которой отброшены ходом исторического развития».

Отвечая на вопросы тов. Вышинского, подсудимый Каменев рассказывает суду о том, как зиновьевцы вступили в блок с троцкистами на предмет организации террористической борьбы против партии и советского государства.

«Мы вели переговоры о блоке с Смирновым, Мрачковским и Тер-Ваганяном, не как с группами самостоятельных политических директив. Они представляли для нас ценность, как люди точно воспроизводящие директиву Троцкого. Зная Смирнова и Мрачковского как активных троцкистов, зная о поездке Смирнова за границу и о том, что он так связался с Троцким, мы были абсолютно уверены, что директива о террористической установке, передаваемая Смирновым и Мрачковским и ими защищаемая, есть точная директива Троцкого. На основании этого и при сопоставлении директив Троцкого о терроре с нашими настроениями мы и заключили то, что здесь называется «блоком» и то, что следует назвать узким террористическим заговором. Этот заговор сложился в 1932 году, как организационное об'единение, которое не имело никакой платформы и которое поставило себе целью захват власти путем террористической дезорганизации правительства, путем устранения и убийства Сталина, как руководителя партии и страны, и его ближайших соратников».

Подсудимый Каменев полностью подтверждает руководящую роль в троцкистской части троцкистско-зиновьевского террористического центра И. Н. Смирнова.

Далее Каменев показывает суду о практической деятельности террористов.

«Летом 1932 года в Ильинском у нас на даче состоялось совещание нашего зиновьевского центра. Присутствовали: я, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Кулин и Карев. На этом совещании Зиновьев сообщил, что об'единение с троцкистами, получившими личную директиву от Троцкого о проведении террористических актов — совершившийся факт. Здесь же Бакаеву было поручено провести террористический акт в Москве, а Кареву — в Ленинграде. Высылка меня и Зиновьева несколько задержала осуществление наших террористических планов. Когда мы вернулись в Москву, мы ничего не предпринимали в основах блока. Наоборот, мы приступили к форсированию террористического заговора. На форсировании террора энергично настаивали троцкисты, получившие соответствующую директиву от Троцкого. Организационно это получило выражение в том, что было принято решение ускорить убийство Сталина и убийство Кирова».

«В июне 1934 года — показывает подсудимый Каменев — я лично ездил в Ленинград, где поручил активному зиновьевцу Яковлеву подготовить параллельно с группой Николаева-Котольнова покушение на Кирова. В начале ноября 1934 года мне из доклада Бакаева были известны все детали подготовки убийства Кирова николаевской группой».

Вышинский: — Убийство Кирова это дело непосредственно ваших рук?

Каменев: — Да.

«Зная, что мы можем провалиться, — говорит далее Каменев, — мы наметили узенькую группу, которая бы продолжала террористическую деятельность. Нами для этой цели был намечен Сокольников. Нам казалось, что со стороны троцкистов эту роль могут с успехом выполнить Серебряков и Радек. На соответствующий наш вопрос Мрачковский ответил: — Да. Серебряков и Радек, по нашему мнению, могут сыграть роль замены, если бы наша руководящая группа паче чаяния провалилась.

Каменев рассказывает, что зиновьевцы вели переговоры и устанавливали контакт и с другими контрреволюционными группами.

— В 1932 году я лично вел переговоры с группой, так называемых, «левачков» — Ломинадзе-Шацкина. В этой группе я нашел врагов партийного руководства, абсолютно подготовленных к тому, чтобы перейти к самым решительным методам борьбы с ним. В то же время и я и Зиновьев имели постоянную связь также с группой бывшей «рабочей оппозиции» Шляпникова и Медведева. В 1932-33-34 годах я лично поддерживал сношения с Томским и Бухариным, осведомляясь об их политических настроениях. Они нам сочувствовали. Когда я спросил у Томского, каково настроение у Рыкова, он ответил: «Рыков думает так же как я». На вопрос, что же думает Бухарин, он сказал: «Бухарин думает то же, что и я, но проводит несколько иную тактику — будучи не согласен с линией партии, он ведет тактику усиленного внедрения в партию и завоевывания личного доверия у руководства».

При допросе подсудимого Каменева суд подробно останавливается на двурушничестве, которое зиновьевцы наряду с террором пустили в ход в борьбе против партии.

В дальнейшем ходе допроса подсудимый Каменев еще более ясно и определенно говорит о том, что руководило деятельностью зиновьевцев.

Вышинский: — Следовательно, вашей борьбой против руководства партии руководили мотивы личного низменного порядка — жажда личной власти?

Каменев: — Да, жажда власти нашей группы.

В конце допроса подсудимого Каменева тов. Вышинский напоминает ему о том, что в своих показаниях от 10 августа он заявил, что после захвата власти заговорщики предполагали, назначив Бакаева руководителем ОГПУ, замести следы своих преступлений. Каменев пытается уверять, что троцкистско-зиновьевский центр имел при этом виду не физическое уничтожение непосредственных исполнителей террористических актов, а направить следствие по террористическим актам на ложный путь.

Подсудимый Рейнтольз категорически утверждает, что троцкистско-зиновьевский центр намеревался уничтожить своих боевиков - террористов для того, чтобы выгородить троцкистско-зиновьевских главарей и замести следы преступления. Возмущенный вилянием в этом вопросе Каменева, Рейнтольз говорит:

— Пусть Каменев не прикидывается тут таким невинным созданием. Он—прожженный политик, который лез до власти через горы трупов. И неужели он остановился бы перед тем, чтобы уничтожить одного-двух террористов? Никто ему не поверит!

Допрос свидетеля Яковлева.

Суд переходит к допросу вызванного по ходатайству прокуратуры свидетеля Яковлева.

Тов. Вышинский просит Яковлева рассказать о связи Каменева с ним — Яковлевым — по той террористической деятельности, которую проводил Каменев.

Яковлев показывает, что «мне лично Каменев в 1934 году поручил организовать террористическую группу в Академии наук. Я это поручение принял. Тогда же Каменев сообщил мне, что задания по подготовке террористических актов даны и другим группам. В Москве велется работа по покушению на Сталина, а в Ленинграде предполагается совершить террористический акт над Кировым и это задание дано группе Румянцева-Котольнова».

После нескольких вопросов Тер-Ваганяну, Смирнову и Каменеву, из которых выясняется, что Каменев неоднократно имел разговоры о терроре с Тер-Ваганяном в 1932 году, суд переходит к допросу подсудимого Зиновьева.

Допрос подсудимого Зиновьева.

Зиновьев начинает свои показания с истории восстановления об'единенного троцкистско-зиновьевского центра в 1932 году. Зиновьев подчеркивает, что никакого расхождения между троцкистами и зиновьевцами по существу никогда не было.

«С 1928 по 1932 год ни на один момент, — говорит Зиновьев, — действительной разницы между нами и троцкистами не было. И поэтому мы совершенно закономерно пришли к терроризму.

Мы брали ставку на рост трудностей, надеялись на то, что они вырастут в такой мере, когда и мы, и правые, и троцкисты, и примыкающие к нам более мелкие группы смогут выступить открыто.

«В это же время, — продолжает Зиновьев, — отдельные подпольные группы, как правого, так и так называемого левого направления искали связей со мной и Каменевым. Обращения шли от остатков рабочей оппозиции — Шляпникова и Медведева. Обращения шли от групп так называемых «левачков». Это — Ломинадзе, Шацкин, Стон и другие. Обращения шли также от так называемых «индивидуалов». К числу их относился Смирнов, до известной степени, Сокольников».

«Во второй половине 1932 года, — говорит Зиновьев, — мы поняли, что наша ставка на рост трудностей в стране бита. Мы начали понимать, что партия и ее ЦК преодолевают эти трудности. Но и в первую, и во вторую половину 1932 года мы пылали ненавистью к Центральному Комитету партии и Сталину». «Мы были уверены в том — говорит Зиновьев — что руководство должно быть во что бы то ни стало сменено, что оно должно быть сменено нами вместе с Троцким. В этой обстановке происходят мои свидания со Смирновым».

Зиновьев, продолжая свои показания, рассказывает, что во время разговоров со Смирновым в 1931 году он договаривался с ним об об'единении троцкистов и зиновьевцев на базе террора и что это делалось по директиве Троцкого. И. Н. Смирнов — говорит Зиновьев — целиком и полностью разделял эту директиву и горячо и убедительно ее проводил. Мы очень много говорили со Смирновым о подборе людей для террористической деятельности, а также намечали лиц против которых должно быть направлено террористическое оружие. В первую очередь называлось имя Сталина, затем Кирова, Ворошилова и других руководителей партии и правительства.

Для осуществления этих планов был создан троцкистско-зиновьевский террористический центр, в котором руководящую роль играл я — Зиновьев, от троцкистов — Смирнов.

Вышинский: — Было ли признание необходимости террора решающим условием об'единения троцкистов и зиновьевцев?

Зиновьев: — Правильно.

Вышинский: — Были ли вами и Смирновым установлены лица, против которых террор должен был быть направлен в первую очередь? Правильно-ли, что этими лицами являлись тов. Сталин, тов. Киров, тов. Ворошилов?

Зиновьев: — В центре стоял этот вопрос.

В дальнейших своих показаниях Зиновьев, отвечая на вопрос тов. Вышинского о практических шагах в направлении подготовки убийства руководителей партии и правительства, рассказывает, что осенью 1932 года состоялось совещание в Ильинском, в котором участвовали Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Карев. На этом совещании практическое руководство террористическими делами было поручено Бакаеву.

«Мы уехали с Каменевым после провала рютинского дела в ссылку, — продолжает Зиновьев. — Мы оставили в качестве руководителей террористической деятельностью Евдокимова, Бакаева и Смирнова. При этом особые надежды мы возлагали на Смирнова. После возвращения из ссылки наши первые шаги были направлены на то, чтобы ликвидировать, если можно так выразиться, наш террористический прозыв, провал заговорщиков, восстановить к себе доверие для того, чтобы потом можно было продолжать террористическую деятельность. Мы продолжали тактику, состоящую из сочетания, из комбинирования все более и более утонченного коварного двурушничества с подготовкой заговора.

— Дело дошло до того, что я, — показывает Зиновьев, — послал в «Правду» некролог о Кирове. Этот некролог не был напечатан.

После этого Зиновьев рассказывает о том, как подготовлялось убийство С. М. Кирова. «В 1934 году, — говорит Зиновьев, — я послал Бакаева в Ленинград для проверки готовности проводимой там работы по совершению убийства Кирова. Я послал в Ленинград Бакаева, как человека, который пользовался нашим доверием, который прекрасно знал личный состав террористов, чтобы он проверил людей, обстановку, степень готовности и т. д. Бакаев, вернувшись из Ленинграда, сообщил, что все в порядке».

Вышинский: — Вы были уверены в том, что все благополучно?

Зиновьев: — Я считал, что вся работа сделана.

Вышинский: — Вы торопили, вы форсировали убийство Кирова? Были такие моменты, когда вы выражали недовольство некоторой мелкительностью ваших террористов?

Зиновьев: — Да, некоторое недовольство я выражал.

Вышинский: — Можно сказать, что вы не только были организатором и идеологом убийства Кирова, но и организатором более форсированного осуществления этого события?

Зиновьев: — Был момент, когда я старался ускорить.

В дальнейших своих показаниях Зиновьев говорит о своих встречах с М. Лурье (Эмель), который привез от Троцкого террористические директивы. «Я знал, — говорит Зиновьев, — что М. Лурье троцкист и не только троцкист, но даже, когда он говорил, в нем прорвался язык фашиста».

Вышинский: — В чем проявился фашизм?

Зиновьев: — Фашистское сводилось к тому, что он говорил:

«В такой обстановке, как сейчас, мы должны идти на использование всяких средств».

На вопрос Вышинского, обращенный к М. Лурье, выясняется, что Зиновьев встречался с М. Лурье после его приезда из Берлина три раза. При этом во время встречи М. Лурье с Зиновьевым на квартире у последнего имел место откровенный разговор между ним и Зиновьевым. Разговор шел о террористических директивах Троцкого, полученных М. Лурье в Берлине через Рут Фишер и Маслова и переданных затем М. Лурье Зиновьеву через Гернберга.

«Я, — говорит М. Лурье — спросил Зиновьева, в курсе-ли он дела Натана Лурье. Зиновьев ответил положительно». Далее он говорил Зиновьеву, что Натан Лурье связан с немцем Францем Вайцем. На вопрос Зиновьева, кто такой Франц Вайц, М. Лурье сообщил, что Франц Вайц является особо доверенным лицом Гимлера, теперешнего руководителя гестапо. Я его вновь спросил: вы в курсе дела об этой группе? Зиновьев ответил утвердительно. На мой недоуменный вопрос о допустимости для марксистов применять индивидуальный террор и поддерживать связь с фашистскими группами — последовал ответ: «Вы же историк, Моисей Ильич». Причем Зиновьев провел параллель с Бисмарком и Лассалем, прибавив: почему мы не можем использовать теперь Гимлера?

После ответов Лурье Зиновьев пытается приписать произнесенную им фразу о Лассале и Бисмарке самому Лурье. Однако, он не может отрицать того факта, что Лурье действительно был у него на квартире и имел с ним разговор о терроре.

Затем Зиновьев, отвечая на вопрос председателя Ульриха об участии его, Зиновьева, в подготовке террористического акта против тов. Сталина, говорит, что он участвовал в этом деле и ему известны две попытки покушения на жизнь Сталина, в которых принимали участие Рейнгольд, Дрейцер и Пикель. Зиновьев подтверждает также, что он рекомендовал руководителю террористических групп Бакаеву своего личного секретаря Богдана, как выполнителя убийства товарища Сталина.

Допрос свидетеля Сафоновой.

Суд переходит к допросу вызванной по ходатайству прокурора свидетеля Сафоновой.

Сафонова показывает, что она являлась членом троцкистского центра и принимала активное участие в работе этого центра. Далее она говорит, что И. Н. Смирнов информировал в 1931 году центр троцкистской организации в лице Тер-Ваганяна, Мрачковского и ее о полученной им в Берлине через Седова установке на переход к террористическим методам борьбы. И. Н. Смирнов, передавая ему установку, подчеркнул, что она исходит от Троцкого. «На этом же совещании, — показывает далее Сафонова, — нам было сообщено Смирновым, что центром принято решение о переходе к террору и о совершении в первую очередь террористического акта над Сталиным. В 1932 году Смирновым получена директива Троцкого, которую привез Гавен. Эта директива явилась прямым подтверждением ранее полученной Смирновым, переданной через Седова, директивы Троцкого о терроре. Об этой директиве нас также информировал И. Н. Смирнов. Эта директива явилась не только подтверждением указаний, переданных через Седова, но она одновременно явилась и указанием на необходимость форсировать террористический акт против Сталина».

Сафонова приводит еще один факт, характеризующий отношение И. Н. Смирнова к террору: «Однажды, — рассказывает она,— Мрачковский, вернувшись с приема у Сталина, рассказывал нам о своей беседе со Сталиным. При этом присутствовали я и И. Н. Смирнов. Мрачковский, рассказывая нам о беседе со Сталиным, увязывал ее с перспективами дальнейшей борьбы и заявил, что единственный выход — это убить Сталина. И. Н. Смирнов активно поддержал этот вывод Мрачковского».

— Перед моим от'ездом в декабре 1932 года на строительство Амуро-Байкальской дороги—продолжает свои показания Сафонова—я имела беседу со Смирновым о дальнейшей работе организации в связи с принятым решением о терроре. И. Н. Смирнов в категорической форме подтвердил мне, что Сталина надо убить, что Сталин будет убит.

В связи с тем, что показания Сафоновой окончательно изобличают Смирнова, товарищ Вышинский вносит ясность в отношения Смирнова с Сафоновой, причем Смирнов показывает, что Сафонова — его жена и что у него с ней нет личных счетов.

Всеми показаниями обвиняемых и свидетелей Смирнов целиком изобличается, как один из главных руководителей террора против руководителей партии и советского правительства, который он осуществлял по прямым указаниям Троцкого.

На этом утреннее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 20 августа.

Вечернее заседание Верховного суда началось допросом обвиняемого И. Н. Смирнова. В течение почти трехчасового допроса Смирнов всячески старается уклониться от прямо поставленных прокурором т. Вышинским вопросов, пытается умалить свою роль, отрицает свою террористическую деятельность против руководителей партии и правительства. В конце концов, под давлением доклада изобличающих его фактов, он вынужден признать, что являлся руководителем подпольной троцкистской организации и входил в троцкистско-зиновьевский центр, созданный на террористической основе.

Затем допрашивается Ольберг — активный участник германской троцкистской организации с 1931 года, три раза пробиравшийся в Советский Союз для совершения террористического акта против товарища Сталина. В 1933 году Ольберг первый раз приезжает в СССР по фальшивому паспорту. Получив в Праге через агента гестапо Тукалевского паспорт гражданина среднеамериканской республики Гонтурас, Ольберг в 1935 году приезжает в СССР для выполнения задания Троцкого — убить товарища Сталина.

Допрашиваемый вслед за Ольбергом, другой активный участник германской троцкистской организации, обвиняемый Берман-Юрин тоже заявляет, что он получил личные директивы Троцкого об убийстве Сталина. Ольберг и Берман-Юрин показывают, что им была дана категорическая директива, в случае провала всячески скрывать роль Троцкого.

После допроса Берман-Юрина об'является перерыв до одиннадцати часов утра 21 августа.

Подробный отчет о вечернем заседании 20 августа будет дан в завтрашнем номере газеты.

Вечернее заседание 20 августа.

Допрос подсудимого Смирнова И. Н.

Большую часть вечернего заседания Военной коллегии Верховного суда 20 августа занял допрос подсудимого Смирнова. И. Н. Смирнов — один из лидеров троцкистской организации со времени ее образования. Ближайший друг Троцкого, фактический организатор и руководитель троцкистского контрреволюционного подполья в СССР, лично поддерживавший связь с Троцким и троцкистскими организациями за границей.

Заместитель Троцкого в Советском Союзе, как его определяют обвиняемые, руководитель троцкистского центра, Смирнов упорно продолжает проводить свою тактику лжи и виляния. Он долго пытается отрицать и смазать свое непосредственное участие в террористической деятельности. Лишь под напором неопровержимых улик, разоблаченный фактами, прижатый обвинением, он вынужден нехотя признаваться в своих преступлениях.

В мае 1931 года Смирнов ездил за границу в служебную командировку. В Берлине он дважды встречался с сыном и агентом Троцкого — Седовым, получил от него два адреса для переписки и условился о пароле для посылки агентов. Седов говорил Смирнову о необходимости изменить старые формы борьбы с партией и о своевременности перехода к террористическим методам борьбы. Смирнов изображает эту установку, как личное суждение Седова, с которым он, Смирнов, якобы, не согласился.

Это утверждение, однако, опровергается показаниями обвиняемого Мрачковского, которому Смирнов сообщал, что в Берлине связывался через Седова с Троцким, от которого и исходили указания о терроре.

Мрачковский, отвечая на вопросы прокурора, об'ясняет далее, что содержание беседы Смирнова с Седовым он понял не как простое сообщение, а как директиву Троцкого, который предлагал перейти к другому методу борьбы — к методу более острому, то-есть к террору. Что это была директива Троцкого, а не «личное суждение» Седова, устанавливается показаниями Мрачковского и Смирнова о том, что Седов не был для них авторитетом.

Подсудимый Смирнов пытается утверждать сначала, что в 1931 и 1932 годах Троцкий тоже не был для него авторитетом. Однако, здесь же он изобличается во лжи и признает, что в 1932 году он получал через Юрия Гавена директивы от Троцкого о необходимости перехода к террору против руководителей партии и правительства. Эти директивы он принял к исполнению и передал в центр. Он пытается свести свою роль к простой передаче в центр директив Троцкого, он пытается отвести от себя ответственность за работу центра. Наконец, пытается утверждать, что центра вовсе не было. На вопрос прокурора обвиняемым Мрачковскому, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву, существовал ли центр, все четверо отвечают утвердительно.

Вышинский: — Как же вы, Смирнов, позволяете себе утверждать, что центра не было?

Смирнов пытается снова вилять, ссылаясь на отсутствие заседаний центра, но показаниями Зиновьева, Тер-Ваганяна и Мрачковского он снова изобличается во лжи.

Дальнейший допрос Смирнова подтверждает получение и передачу обвиняемым дополнительных директив Троцкого о терроре, полученных через Гавена в 1932 году.

Эта директива содержала прямое указание о необходимости перехода на путь террористической борьбы против руководства партии.

Обвиняемый упорно изворачивается, пытаясь отрицать свою роль руководителя троцкистской организации. Из допроса других обвиняемых выясняется, что переговоры о блоке с зиновьевцами Тер-Ваганян вел по прямому поручению Смирнова, что Мрачковский вел подготовку террористических групп по прямому поручению Смирнова. Выясняется, что вплоть до своего ареста Смирнов осуществлял личную связь с Троцким. Под давлением этих и других неопровержимых фактов Смирнов, в конце концов, признает что именно он был главой троцкистской организации в СССР. Из показаний подсудимых выясняется, что создание блока было результатом непосредственных переговоров Смирнова с Зиновьевым, Каменева с Тер-Ваганяном и Мрачковского с Евдокимовым, причем переговоры об организации блока велись на основе первой директивы о терроре, привезенной Смирновым от Троцкого через Седова в 1931 году.

Прокурор выясняет связи Смирнова с Троцким. Смирнов вначале отрицает свою связь с Троцким и несколько раз повторяет, что у него были лишь два адреса.

Отрицая личную связь с Троцким, Смирнов признает, наконец, что у него была почтовая связь с сыном Троцкого, что он сам писал письма Троцкому и получил от него ответ, который привез Гавен.

Вышинский: — Это связь или нет?

Смирнов: — Связь.

Вышинский: — Значит была связь?

Смирнов: — Была.

Также устанавливаются и другие неопровержимые факты. Тер-Ваганян, Мрачковский, Зиновьев и Евдокимов заявляют о разговорах, которые велись с Смирновым в 1931 году, и о заданиях, которые он давал в этот период о подготовке террористов. Смирнов и это отрицает.

Вышинский (обращается к Мрачковскому): — Мрачковский, давал вам Смирнов директивы?

Мрачковский: — Да, директивы были даны в начале 1931 года по приезде его из-за границы.

Вышинский: — Что он вам сказал?

Мрачковский: — Что надо приступить к подбору людей, которых мы хорошо знаем, что задача ставится перед ними серьезная, что надо отобрать людей волевых. Он говорил это у себя на квартире.

Вышинский: — Подсудимый Зиновьев, вы говорили, что Смирнов с вами неоднократно беседовал о терроре и необходимости форсировать террористические акты?

Зиновьев: — Правильно.

Вышинский: — Значит то, что говорит Мрачковский о террористической группе, соответствует действительности?

Зиновьев: — Да.

Вышинский: — Подсудимый Смирнов, считаете ли вы, что Тер-Ваганян, Мрачковский и Евдокимов говорят неправду?

Смирнов (молчит).

Вышинский: — Что же вы признаете?

Смирнов: — Я признаю, что участвовал в подпольной троцкистской организации, вошел в центр этого блока, что я виделся с Седовым в Берлине в 1931 году, выслушал его мнение о терроре, которое передал затем в Москву. Признаю, что от Гавена я получил директиву Троцкого о терроре и передал ее, не будучи с ней согласен, через Ваганяна — зиновьевцам.

Вышинский: — И не будучи согласны оставались членом блока и в блоке работали!

Смирнов: — Формально из блока я не вышел, фактически не работал.

Вышинский: — Значит, когда вы передавали директиву, вы не вели работу?

Смирнов: (молчит).

Вышинский: — Как по вашему, когда организатор передает директиву, это работа?

Смирнов: — Конечно.

Вышинский: — Вы были участником блока на позиции террора?

Смирнов: — Да.

Вышинский: — Вы признаете также, что он стоял на этих позициях в связи с получением директивы от Троцкого?

Смирнов: — Да.

Вышинский: — И эту директиву получили вы?

Смирнов: — Да.

Вышинский: — Следовательно, вы поставили блок на позиции террора?

Смирнов: — Я передал директиву о терроре.

Вышинский: — Если вы признаете, что блок после получения директивы Троцкого стоял на позиции террора, то надо сказать, что блок стал на позицию террора после директивы, которую вы получили от Троцкого и передали членам блока?

Смирнов: — Я получил эту директиву, сообщил ее троцкистам и зиновьевцам, они создали центр. Я, не будучи согласен, формально не выходил из блока, но фактически не был членом блока.

Вышинский: — Мрачковский, вышел Смирнов из блока?

Мрачковский: — Нет.

Вышинский:—Тер-Ваганян, вышел Смирнов из блока?

Тер-Ваганян: — Нет.

Вышинский: — Дрейцер, вам известно, что Смирнов вышел из блока?

Дрейцер: — Если поручение организовывать террористические группы есть выход из блока, тогда—да.

Вышинский: — Евдокимов, вы слышали о том, что Смирнов вышел из блока?

Евдокимов: — Нет, как раз наоборот, он оставался членом центра и активно в нем работал.

Вышинский: — Разделял террористические взгляды?

Евдокимов: — Да, разделял.

Вышинский: — Обвиняемый Каменев, что вы знаете об уходе Смирнова из блока?

Каменев: — Я подтверждаю, что Смирнов все время состоял в блоке.

Вышинский: — Обвиняемый Смирнов, круг сомкнулся.

Допрос подсудимого Ольберга.

Суд переходит к допросу подсудимого Ольберга.

Ольберг В. П. — активный участник троцкистской организации. Был эмиссаром Троцкого за границей.

По поручению Л. Троцкого в 1933 году был переброшен в Советский Союз по фальшивому паспорту для организации убийства товарища Сталина.

Связавшись в СССР с подпольной троцкистской организацией, практически приступил к подготовке покушения на товарища Сталина и тов. Жданова.

Во время допроса Ольберг показывает, что его связь с Троцким и сыном Троцкого — Седовым началась с 1930 года.

Ольберг переходит к изложению событий, предшествовавших его первой поездке в Советский Союз.

Ольберг заявляет: «Впервые о моей поездке Седов заговорил со мной после обращения Троцкого, связанного с лишением Троцкого гражданства СССР. В этом обращении Троцкий развивал мысль о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: «Необходимо убрать Сталина».

Тогда же Седов сделал Ольбергу предложение отправиться в СССР.

«Возникла трудность с паспортом, — рассказывает Ольберг. — Я не имел определенного подданства и уже по одному этому не мог получить никакой визы. Вскоре, однако, мне удалось уладить это, и с получением паспорта на имя Рейдигмана, я выехал в СССР.

Еще до моего от'езда в Советский Союз я собирался поехать вместе с Седовым в Копенгаген к Троцкому. Наша поездка не удалась, в Копенгаген отправилась жена Седова—Сюзанова и, вернувшись оттуда, привезла письмо от Троцкого, адресованное Седову, в котором Троцкий интересовался моей поездкой в СССР и высказывал надежду, что мне удастся осуществить возложенную на меня миссию. Это письмо показал мне Седов.

Ольберг далее показывает, что для получения паспорта он воспользовался услугами Фридмана берлинского троцкиста, бывшего одновременно агентом германской полиции.

Вышинский: — Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система?

Ольберг: — Да, это была система и это было сделано с согласия Троцкого.

Вышинский: — Откуда вам известно, что это было с ведома и согласия Троцкого?

Ольберг: — Одна из этих линий связи была лично моя. Моя связь была организована с санкции Троцкого.

Вышинский: — Ваша личная связь с кем?

Ольберг: — С фашистской тайной полицией.

Вышинский: — Значит, можно сказать, что вы сами признаете связь с гестапо?

Ольберг: — Я этого не отрицаю. В 1933 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией.

Далее подсудимый Ольберг переходит к изложению обстоятельств и фактов, относящихся непосредственно к его поездкам в СССР для производства террористического акта против товарища Сталина. В Советский Союз он выезжал для этой цели трижды.

В первый раз Ольберг выехал в СССР в конце марта 1933 года по фальшивому паспорту. Потерпев неудачу в организации террористического акта, Ольберг вынужден был возвратиться за границу. Он уехал в Прагу, откуда снесся с Седовым, и тот подбодрил его, обещав снабдить его лучшим паспортом.

Тем временем Ольбергу самому удалось получить паспорт в Праге. Там проживал его младший брат Пауль Ольберг, связанный с агентом германской тайной полиции в Праге Тукалевским, через которого Ольберг и получил новый документ. Паспорт от полицейского агента Тукалевского Ольберг получил с одобрения Седова после того, как этот последний получил санкцию от Троцкого.

Паспорт Ольберг получил через Тукалевского и через некоего Бенда от приехавшего в то время в Прагу генерального консула республики Гондурас в Берлине — Лукаса Парадес.

Ольберг: — Он продал мне паспорт за 13 тысяч чехословацких крон. Эти деньги я получил от Седова.

Вышинский: — Вы имели какое-нибудь отношение к республике Гондурас?

Ольберг: — Нет, никогда.

Вышинский: — Позвольте пред'явить: этот ли паспорт? (комендант суда пред'являет паспорт).

Ольберг: — Да, этот. Он действительно был выдан настоящим консулом от имени республики Гондурас.

Далее Ольберг показывает, что Тукалевский рекомендовал ему встретиться в Берлине с троцкисткой Сломовиц.

Ольберг подробно рассказывает про встречу со Сломовиц.

Ольберг:—В Берлине я был у Сломовиц, которая сообщила мне следующее: за время моего отсутствия остались немногочисленные троцкистские кадры и сейчас стоит дилемма: троцкистам либо ликвидироваться, либо пойти на соглашение с немецкими фашистами. Базой для соглашения служит вопрос о подготовке и проведении террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Троцкий санкционировал соглашение берлинских троцкистов с гестапо и

Продолжение на 2 стр.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА.

троцкисты действительно были на воле. С точки зрения берлинских троцкистов, низвержение советского строя и борьба против советского правительства мыслима двумя путями: либо путем интервенции, либо путем отдельных террористических актов. Убийство Кирова—по словам Сломовиц — показало, что террористические акты против вождей партии и правительства могут быть в Советском Союзе проводимы. В квартире Сломовиц я встретился с сотрудником гестапо, с которым она меня познакомила и который сообщил, что если понадобится помощь, они охотно помогут мне в подготовке террористических актов и, в первую голову, против товарища Сталина».

В марте 1935 года Ольберг вторично приехал в Советский Союз. Поездка эта опять не дала никаких результатов, так как из-за туристской визы путешествие было весьма кратковременно и через несколько дней Ольбергу пришлось вернуться обратно в Германию. Там он пробыл три месяца, получил указания от Седова сделать еще одну попытку, и в июле 1935 года Ольберг снова выехал в Советский Союз.

Пробыв короткое время в Минске, Ольберг отправился в Горький, связался с троцкистами Елиным и Федотовым, через последнего получил работу в горьковском педагогическом институте, где и оставался до дня ареста. Здесь в Горьком и вырабатывался план покушения на товарища Сталина.

Незадолго перед этим в СССР прибыл брат Ольберга — Пауль Ольберг. На вопрос прокурора, с какими заданиями от Тукалевского прибыл его брат, Ольберг отвечает, что характер этих заданий ему неизвестен, но Пауль Ольберг должен был помочь ему в выполнении его террористической работы.

Вышинский: — Значит, ваш брат приехал в СССР по его настоящему германскому паспорту и, как инженер, мог легче здесь закрепиться?

Ольберг: — Да.

Вышинский: — Ваш брат имел какое-либо отношение к гестапо?

Ольберг: — Он был агентом Тукалевского.

Вышинский: — Агентом фашистской полиции?

Ольберг: — Да.

Вышинский: — Когда у вас был с Седовым разговор о том, что нельзя допускать компрометации троцкистской организации?

Ольберг: — Это было во вторую мою поездку. Он говорил, что если я буду арестован органами государственной безопасности СССР, то я ни в коем случае не должен говорить, что этот террористический акт выполняется по поручению Троцкого и во всяком случае должен стараться скрыть роль Троцкого.

Вышинский: — На кого же рекомендовал он вам свалить организацию террористического акта?

Ольберг: — На белогвардейцев, на гестапо.

После этой части допроса прокурор резюмирует:

Вышинский: — Следовательно, можно так сказать: вы, Валентин Ольберг, будучи связаны с Троцким через его сына Седова, были по непосредственному поручению Троцкого через Седова направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против товарища Сталина?

Ольберг: — Да.

Вышинский: — Для успешности проведения этой работы вы были связаны через своего брата с германской полицией?

Ольберг: — Да, это так.

Вышинский: — Теперь вы расскажите, как вы готовили террористический акт.

Ольберг рассказывает, что еще до приезда в Горький он знал от Седова, что в СССР существует подпольная троцкистская организация, куда входят, как руководители, Смирнов и Мрачковский. Ему было также известно о Бакаеве, о котором Седов отзывался как о человеке, настроенном «чрезвычайно террористически». В Горьком Ольберг узнал от Федотова, что боевые дружины организованы еще до его приезда. Ольбергу оставалось только выработать самый план покушения.

Террористический акт должен был быть совершен первого мая 1936 года в Москве.

Вышинский: — Что помешало осуществлению этого плана?

Ольберг: — Арест.

Вышинский: — Вы сообщали Седову о ходе подготовки террористического акта?

Ольберг: — Да, я писал несколько раз в адрес Сломовиц и получил от нее письмо, что наш старый друг настаивает на том, чтобы дипломная работа была сдана к первому мая.

Вышинский: — «Дипломная работа» — это что?

Ольберг: — Это убийство Сталина

Вышинский: — А «старый друг» — кто?

Ольберг: — «старый друг» — это Троцкий.

Допрос подсудимого Бермана-Юрина.

Далее суд переходит к допросу подсудимого Бермана-Юрина, активного участника троцкистской организации, прибывшего в СССР по личному поручению Троцкого организовать убийство тов. Сталина.

Ульрих: — Берман-Юрин, расскажите, какое вы получили задание за границей перед вашей поездкой в Советский Союз?

Берман-Юрин: — Я получил задание от Троцкого поехать в Советский Союз для совершения террористического акта против Сталина.

Я был лично у Троцкого в Копенгагене в ноябре 1932 г. Встречу устроил мне Седов.

На вопросы Вышинского Берман-Юрин показывает о своем давнем знакомстве с Седовым и о своей троцкистской деятельности, начавшейся с 1931 года. С Седовым познакомил его один из руководителей германских троцкистов — Грилевич.

Берман-Юрин: — С Седовым у меня был ряд бесед. Седов систематически старался убедить меня и убедил, что борьба с коммунистической партией — это борьба со Сталиным.

По предложению Седова, Берман-Юрин в конце 1931 года встретился с неким Альфредом Куртом, передал ему разговор с Седовым и получил его согласие на поездку в Москву с заданием отвезти по определенной виде два документа от Троцкого. В Москве Альфред Курт должен был связаться лично со Смирновым И. Н. Берман-Юрин был ознакомлен с содержанием пересланных через Альфреда Курта документов.

Берман-Юрин: — Это были директивные установки Троцкого относительно задач троцкистского подполья в СССР. Там говорилось, что надо готовиться к переходу на под этим углом зрения и надо подбирать решительных людей, согласных с установками Троцкого. Особое внимание,—говорилось в письме, — надо обратить на троцкистов-членов ВКП(б), не скомпрометированных в рядах партии, как троцкисты.

Альфред Курт выехал в Москву в январе-феврале 1932 года, был на явочной квартире, передал документы, получил ответ, как и было условлено, но со Смирновым лично не мог встретиться, так как его в Москве не оказалось.

В ноябре 1932 года Седов при встрече с Берман-Юриным сообщил ему, что в ближайшее время Троцкий будет в Копенгагене, и спросил, не хочет ли он поехать туда и встретиться лично с Троцким? Берман-Юрин выразил свое согласие.

«В Копенгаген, — показывает Берман-Юрин, — я приехал рано утром. Это было в конце ноября, 25—28 ноября 1932 года. Встретил меня на вокзале Грилевич и мы поехали к Троцкому. Там меня Грилевич представил Троцкому, сам ушел и мы остались с Троцким одни в комнате. Троцкий говорил: основной вопрос — это вопрос о Сталине. Сталина нужно физически уничтожить... Он говорил, что для этого необходимы люди, которые решились бы на все, которые пошли бы на самопожертвование ради этой, как он выражался, исторической задачи».

На этом закончилась первая беседа. Троцкий куда-то ушел. Берман-Юрин остался у него на квартире и ждал возвращения.

Берман-Юрин: — Вечером мы продолжали разговор. Я задал ему вопрос, как согласовать индивидуальный террор с марксизмом? Троцкий заявил мне на это следующее: — Нельзя к вопросам подходить догматически. Он сказал, что в Советском Союзе создалась такая ситуация, которой Маркс не мог предвидеть. Троцкий сказал еще, что кроме Сталина нужно убить Кагановича и Ворошилова.

Вышинский: — Вы дали согласие?

Берман-Юрин: — Да.

После того, как Берман-Юрин дал согласие участвовать в подготовке и осуществлении террористического акта, Троцкий предложил ему готовиться к от'езду в Москву, рекомендуя ему использовать для совершения террористического акта связи в аппарате Коминтерна.

Вышинский: — Значит Троцкий дал вам не только общие указания, но и конкретизировал вашу задачу?

Берман-Юрин: — Он заявил, что террористический акт нужно приурочить по возможности к какому-нибудь пленуму или конгрессу Коминтерна, чтобы выстрел в Сталина загремел на большом собрании.

Разговор этот происходил в конце ноября 1932 года. В Москву Берман-Юрин выехал в марте 1933 года. Перед от'ездом Седов дал действительно инструкцию связаться с Фрицем Давидом и вместе с ним готовить террористический акт. Вскоре по прибытии в Москву Берман-Юрин встретился с Фрицем Давидом, совместно обсудили террористический план и стали к нему готовиться. Первоначально предполагалось, что покушение на товарища Сталина им удастся провести на XIII пленуме ИККИ.

Фриц Давид должен был раздобыть входной билет для Бермана-Юрина, который и должен был стрелять в Сталина. Билет Фрицу Давиду для Бермана-Юрина достать не удалось и план провалился. Решено было осуществить убийство товарища Сталина на конгрессе Коминтерна.

Берман-Юрин: «В сентябре 1935 года конгресс должен был быть созван. Браунштейн с патронами я дал Фрицу Давиду, чтобы он его у себя спрятал. Но перед открытием конгресса Фриц Давид сообщил мне, что билета он опять достать не может, но что сам он будет на конгрессе. Мы условились, что он же и совершит террористический акт.

Через несколько дней мы встретились с Фрицем Давидом и он сказал, что стрелять не мог, он—Фриц Давид — сидел в ложе, было много народа и не было никакой возможности стрелять. Таким образом и этот наш план провалился».

Далее Берман-Юрин показал суду, что в декабре Фриц Давид сообщил ему указание Троцкого, полученное через специального посланца, о необходимости всячески форсировать подготовку акта. В мае 1936 года Фриц Давид передал Берману-Юрину, что у него был опять посланец от Троцкого—немец, который говорил чрезвычайно резко, обвинял нас в бездействии, нерешительности, отсутствии мужества и буквально требовал воспользоваться любым случаем для убийства Сталина. «Надо торопиться, нельзя терять времени», — говорил он.

В конце мая 1936 года я был арестован и моя террористическая деятельность была прервана.

В заключение допроса Бермана-Юрина товарищ Вышинский еще раз ставит вопросы о встречах Бермана-Юрина с сыном Троцкого—Седовым. Берман показывает, что он имел с ним неоднократные встречи с конца 1931 года по март 1933 года.

Вышинский: — И Троцкий и Седов ставили перед вами вопрос о терроре и агитировали вас согласиться на террористический акт?

Берман-Юрин: — Совершенно верно.

Вышинский: — Вы дали согласие и были направлены Троцким?

Берман-Юрин: — Троцким через Седова.

Допросом подсудимого Бермана-Юрина вечернее заседание 20 августа заканчивается.

Утреннее заседание 21 августа.

Допрос подсудимого Гольцмана.

Утреннее заседание 21 августа начинается с допроса подсудимого Гольцмана.

Гольцман один из активнейших участников троцкистской контрреволюционной организации, лично связанный с руководителем троцкистского центра в СССР—Смирновым И. Н.

По поручению Смирнова он поддерживал связь с заграничным троцкистским центром.

В 1932 году он получил лично от Л. Троцкого директиву о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Гольцман показывает, что со Смирновым он знаком с 1918 года. В 1925 году Гольцман примкнул к троцкистской организации. Порвав впоследствии формально с троцкистами, он продолжает встречаться с ними, в частности со Смирновым. После продолжительного увиливания от признания своей нелегальной троцкистской деятельности Гольцман, отвечая на в упор поставленные ему товарищем Вышинским вопросы, показывает, что в 1931 году он «случайно» встретился со Смирновым на улице. Смирнов предложил ему встречаться в квартире своей матери. В 1932 году Гольцман пришел на свидание и сообщил Смирнову, что его хотят вскоре командировать за границу, но «он отказывается и едет неохотно». Смирнов посоветовал ему поехать. Гольцман согласился.

Перекрестным допросом Гольцмана и Смирнова устанавливается, что Смирнов держал Гольцмана на особо конспиративном положении, используя его для особо конспиративных поручений.

Подсудимому Гольцману не удается, несмотря на многочисленные попытки, отвертеться от факта, что он оставался по заданиям троцкистского центра законспирированным троцкистом внутри партии.

Вышинский: — Вы формально были в партии?

Гольцман: — Да.

Вышинский: — Одновременно вы были троцкистом?

Гольцман: — Троцкистом.

Вышинский: — Контрреволюционером?

Гольцман: — Контрреволюционером.

Вышинский: — И двурушником?

Гольцман: — Да.

Перед своим от'ездом за границу Гольцман пришел на явку и встретил там Смирнова. Смирнов сказал Гольцману, что во время своего пребывания в Берлине он должен встретиться с сыном Троцкого — Седовым. Смирнов сообщил Гольцману, что он даст ему доклад, который надо передать Седову для Троцкого. Доклад, как подтверждают и Гольцман и Смирнов, надо было доставить лично Седову для передачи Троцкому. Смирнов сообщил ему пароль, который гласил: «Я принес привет от Гали». Последующими показаниями устанавливается, что Смирнов также сообщил Гольцману шифр для переписки с Троцким, для которого использовались определенные страницы книги «Тысяча и одна ночь». Гольцман передал Седову доклад, шифр и в продолжение 4-х месяцев встречался с ним раз шесть-семь.

—В ноябре,—продолжает свои показания Гольцман, — я опять позвонил Седову и мы снова встретились. Седов сказал мне: «Так как вы собираетесь ехать в СССР, то было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец».

Вышинский: — То-есть?

Гольцман: — То-есть, Троцкий.

Вышинский: — Вы поехали?

Гольцман: — Я согласился... Когда мы пришли к Троцкому, он прежде всего интересовался настроениями и отношением партийных масс к Сталину. Я ему сказал, что собираюсь сегодня уехать из Копенгагена и через несколько дней уеду в СССР. Троцкий тогда довольно в возбужденном состоянии, расхаживая по комнате, сказал мне, что он готовит письмо для Смирнова, но в виду того, что я уезжаю в этот же день, он этого не сделает.

Гольцман показывает, что в дальнейшем что «нужно убрать Сталина». По этому поводу происходит следующий диалог между государственным обвинителем и подсудимым.

Вышинский: — Что значит «убрать Сталина»? Раз'ясните.

Гольцман: — Я скажу об этом. Дальше Троцкий говорил, что если Сталин будет убран, то тем самым возможно, что троцкисты придут к власти и руководству ВКП(б). Он сказал при этом, что единственный способ убрать Сталина — это террор.

Вышинский: — Троцкий прямо так и сказал?

Гольцман: — Да. Для этого, как он сказал, нужно подобрать кадры ответственных и способных на это дело людей. И дальше он сказал, что это нужно передать Смирнову, не говоря об этом никому другому.

Вышинский:—Значит, Троцкий вам прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит осенью 1932 года) является убийство товарища Сталина? Вы это твердо помните?

Гольцман: — Да.

Вышинский: — Значит, в этом заключалась директива Троцкого?

Гольцман: — Да. Троцкий не мог ее изложить в письменном виде, а поэтому я принял в устной форме и передал ее точный смысл по приезде в Москву.

В дальнейшем ходе допроса Гольцман пытается увильнуть от ответственности, заявляя, что он не разделял точки зрения Троцкого на террор. Обвиняемый тут же изобличается в том, что вернувшись в СССР, он продолжал оставаться в подпольной троцкистской организации, продолжал встречаться с троцкистами. В заключение допроса товарищ Вышинский окончательно изобличает Гольцмана.

Вышинский: — Мы знаем, что Смирнов через некоторое время директиву о терроре получил и без вас. Я вас обличаю в том, что вы получили эту директиву, вы знали, что у троцкистов уже имеется установка на террор и при этих условиях продолжали оставаться троцкистом?

Гольцман: — Да.

Вышинский: — Продолжали связь с троцкистами?

Гольцман: — Да.

Вышинский: — Следовательно, вы продолжали быть членом троцкистской организации?

Гольцман: — Да.

Допрос подсудимого Н. Лурье.

Допрашивается подсудимый Натан Лурье. По специальному поручению троцкистской организации он прибыл из Берлина в СССР для совершения террористических актов. Вся его троцкистская деятельность, начиная с 1927 года, была направлена на подрыв мощи советского государства.

Вышинский: — Когда у вас возникли террористические настроения, намерения и террористические планы?

Н. Лурье: — Все годы, которые я провел в троцкистской организации в Германии, они сводились в конце концов —как меня воспитывала троцкистская организация — к возбуждению ненависти к Сталину и руководству ВКП(б). В начале 1932 года Моисей Лурье мне сказал, что пора ехать в СССР и проводить там террористическую работу. Это его указание не было для меня неожиданностью. Оно логично вытекало из всей предыдущей работы. Я приехал в апреле 1932 года в СССР с заданием связаться там с троцкистами, которых я знал по Германии, и вместе с ними проводить террористическую работу.

Н. Лурье начал прежде всего с установления в Москве связей с троцкистами и прежде всего с теми, которых он знал по Германии: Константом и Липшицем.

Н. Лурье: — Константу я рассказал об установке на террор, которую я получил от троцкистской организации через Моисея Лурье. Констант мне сказал, что для него Они тоже имеют установку на террор и даже практически приступили к его осуществлению. Он мне рассказал, что у них есть террористическая группа, в которую входят Констант и Липшиц, а также один немецкий инженер-архитектор Франц Вайц.

Вышинский: — Кто такой Франц Вайц?

Н. Лаурье: — Франц Вайц был членом национал-социалистской партии Германии, прибыл в СССР по поручению Гимлера, который в то время был начальником охранных отрядов, впоследствии Гимлер стал начальником гестапо.

Вышинский: — Франц Вайц был его представителем?

Н. Лаурье: — Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гимлера для проведения террористических актов.

Вышинский: — Откуда вы это узнали?

Н. Лурье: — Сперва мне рассказал об этом Констант, потом сам Франц Вайц.

То обстоятельство, что во главе террористической группы стал прямой агент немецкой политической полиции, нисколько не смутило Н. Лурье и его троцкистскую компанию.

— Я пришел к заключению, — говорит Н. Лурье,—что если троцкисты перешли к методам вооруженной борьбы, то это имеет свою логику, т. е. если фашист предлагает свои услуги для террора, то этими услугами надо воспользоваться. Я продолжил связь с Франц Вайц и работал под его практическим руководством.

В августе 1932 года Франц Вайц сообщил Н. Лурье, что имеется возможность совершить покушение на Народного Комиссара обороны СССР товарища Ворошилова. Террористическая группа получила задание фашистского охранника приступить к действию. В течение долгого времени группа Н. Лурье готовила покушение на товарища Ворошилова, намереваясь стрелять в тов. Ворошилова на улице во время его проезда.

Но после того, как в результате неудавшихся попыток покушения, они убедились, что стрелять в машину из револьвера не имеет смысла, они переключились на собирание взрывчатых веществ.

Председатель: — Вы имели в виду совершить террористический акт какого характера?

Н. Лурье: — Террористический акт — бомбой.

В июле 1933 года Н. Лурье был командирован в Челябинск на работу в качестве врача-хирурга (по специальности).

В Челябинске Н. Лурье не прекращает своей террористической деятельности и не оставляет своих террористических замыслов. Н. Лурье показывает суду, что, зная о приезде в Челябинск товарищей Кагановича и Орджоникидзе, он пытался встретить их на заводе и совершить террористический акт.

В январе 1936 года Н. Лурье уезжает из Челябинска, получив научную командировку в Ленинград. Будучи проездом в Москве, он встречает там Моисея Лурье, который дал ему задание совершить покушение на товарища Жданова.

Председатель: — Когда вы уезжали в Ленинград, вы приняли на себя проведение в жизнь указания М. Лурье?

Н. Лурье: — Я знал, что я буду участвовать в первомайской демонстрации и если будет возможность я постараюсь это поручение выполнить.

Председатель: — Почему вам не удалось произвести покушение на Жданова?

Н. Лурье: — Мы далеко проходили.

Допрос подсудимого М. Лурье.

На вопрос председателя М. Лурье заявляет, что полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Вышинский: — Скажите пожалуйста, обвиняемый Лурье, какие вы сделали конкретные шаги в террористической вашей деятельности?

М. Лурье: — Уезжая из Берлина в Москву 4 марта 1933 года, я получил задание директивного порядка от Рут Фишер и Маслова, но фактически это было задание самого Троцкого. Характер задания следующий: Троцкий считает и настаивает, а мы, т. е. Маслов и Рут Фишер, солидарны с этой директивой Троцкого, заключающейся в следующем: необходимо ускорить организацию террористических актов над руководителями ВКП(б) и правительства и, в первую очередь, над Сталиным.

Вышинский: — Я жду ваших об'яснений по поводу практических шагов в этом направлении.

М. Лурье: — Прибыв в Москву 9 марта 1933 года, я передал данную директиву бывшему личному эмиссару Зиновьева в Берлине — Герцбергу Александру Владимировичу. С Герцбергом я был связан в зиновьевской работе с ноября 1927 года до его от'езда в Москву в конце 1931 года.

Отвечая на вопросы прокурора о практических шагах, предпринятых подсудимым в отношении организации террористических актов, М. Лурье сообщает о трех его встречах с Зиновьевым. На одной из этих встреч, имевшей место на квартире Зиновьева в начале августа 1934 года, Лурье подробно информировал Зиновьева о директивах Троцкого, полученных через Рут Фишер и Маслова и о подготовке террористических актов, в частности о деятельности группы его однофамильца Натана Лурье.

Далее М. Лурье рассказывает, как он организовывал покушение на Орджоникидзе. Этот террористический акт должен был быть осуществлен во время приезда тов. Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Для этой цели М. Лурье предложил Натану Лурье поехать на Челябинский тракторный завод, устроиться там в качестве заводского врача и использовать возможный приезд товарища Орджоникидзе на завод для осуществления террористического акта.

Вышинский: — Еще в каких мероприятиях по совершению террористических актов вы участвовали?

М. Лурье: — Я участвовал в подготовке покушения на Жданова.

Обвиняемый подробно рассказывает, как 2 января 1936 года он передал Натану Лурье конкретное задание об организации террористического акта против товарища Жданова, обещал ему дополнительно дать яд и связать его с террористической группой Зайделя в Ленинграде.

Далее товарищ Вышинский спрашивает Моисея Лурье, что он еще может добавить к своим показаниям.

Моисей Лурье: — Я могу внести некоторые дополнения к показанию Натана Лурье и о моем важном разговоре с Зиновьевым о группе Вайца. Натан Лурье сообщил мне конкретно о работе террористической группы, организованной Вайцем. Заметив мою растерянность по поводу такого союзника, Н. Лурье спросил меня, как я отношусь к этому делу, я ответил, что мое личное отношение здесь роли не играет, что я немедленно об этом передам по назначению и сказал Н. Лурье, если ты не получишь отрицательного ответа, стало быть ты работаешь уже с ведома центра.

Вышинский: — Кого вы персонально имели в виду?

Моисей Лурье: — Я имел связь с особо доверенным лицом Зиновьева Гербергом Александром Васильевичем. Натан Лурье не получил от меня отрицательного ответа. Группа Натана Лурье, организованная фашистом Францем Вайцем со времени разговора Натана Лурье со мною в апреле 1933 года, работала с ведома и, безусловно, с согласия центра и лично Зиновьева.

Вышинский: — Вам известно, что директива была передана?

М. Лурье: — Совершенно точно.

Вышинский: — Вы были связаны с группой Натана Лурье и одновременно с фашистским агентом Францем Вайцем?

М. Лурье: — Да.

Допрос подсудимого Тер-Ваганяна.

Суд переходит к допросу подсудимого Тер-Ваганяна.

Подсудимый Тер-Ваганян, отвечая на вопросы тов. Вышинского, признает, что он является одним из организаторов троцкистско-зиновьевского центра, а также и то, что этот центр организовался на основе директивы Троцкого о терроре. Давая показания о своей террористической деятельности, Тер-Ваганян признает, что он работал по заданию Смирнова и Каменева.

Вышинский: — В 1931 году у Смирнова были настроения за насильственные методы борьбы?

Тер-Ваганян: — Да, как и у всех троцкистов, окружающих Смирнова.

В дальнейших своих показаниях Тер-Ваганян подтверждает показания свидетельницы Сафоновой о том, что Сафонова информировала Тер-Ваганяна относительно поездки Смирнова за границу и о свидании последнего с Седовым.

«Должен сказать, — показывает Тер-Ваганян,—что никакого разговора о том, что эта директива о терроре есть личное мнение Седова не было. Когда вернулся Смирнов, то он повторил мне и Сафоновой свой рассказ».

Отвечая на вопрос товарища Вышинского о том, из каких соображений Смирнов это отрицает, Тер-Ваганян об'ясняет суду, что Смирнов боится сказать перед судом всю правду потому, что вслед за этим ему пришлось бы называть ряд лиц, которые имели касательство к террору. В частности, — говорит Тер-Ваганян,—Смирнов не хочет сказать, что, начиная с 1928 года, он систематически поддерживал связь с грузинскими уклонистами. В 1932 году после приезда из-за границы Смирнов имел свидание с грузинскими уклонистами, которые, как известно, были настроены террористически с 1928 года.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): — Смирнов, вы подтверждаете, что были связаны с грузинскими уклонистами?

Смирнов: — В 1929 году я встречался с Окуджава.

Из дальнейших показаний Тер-Ваганяна выясняется связь Смирнова И. Н. с террористической группой Штыкгольда, с которым Смирнов И. Н. был в 1929 году на квартире у Тер-Ваганяна.

Смирнов И. Н. пытается отрицать этот факт. Однако, уличенный показаниями Тер-Ваганяна, подтверждает, что такое свидание могло иметь место в 1929 году.

Вышинский: — Группа Штыкгольда была террористической?

Тер-Ваганян: — Да, была террористической.

— С осени 1931 года,—продолжает Тер-Ваганян,—начинается моя очень тесная связь и дружба с Ломинадзе. С Ломинадзе я встречался неоднократно и при этих встречах мы вели разговоры о блоке.

Продолжая свои показания, Тер-Ваганян говорит, что в этот период начались переговоры троцкистов с зиновьевцами и «левыми» об об'единении, причем установка на террор была совершенно ясна.

Вышинский: — Когда это было?

Тер-Ваганян: — После приезда Смирнова из Берлина.

Вышинский: — В этот период была ясна установка на террор?

Тер-Ваганян: — Да, ясна потому, что директива была уже привезена.

Отвечая на вопрос товарища Вышинского о своей личной террористической деятельности, Тер-Ваганян подчеркивает, что он проводил террористическую работу под руководством Смирнова и Каменева. В частности, он вел разговоры о терроре с Зайделем и Фридляндом.

Рядом вопросов товарищ Вышинский уточняет взаимоотношения по террористической работе между Тер-Ваганяном и Фридляндом. Из ответов Тер-Ваганяна выясняется, что Тер-Ваганян давал Фридлянду указания об организации террористических актов.

Вышинский: — Вы признаете себя виновным в том, что вы не только были членом центра, который преследовал террористические цели и организацию террористических актов, но вы сами давали Фридлянду указания об организации террористических актов?

Тер-Ваганян: — Если весь наш разговор приводит к этому выводу, то я это признаю.

Вечернее заседание 21 августа.

Допрос подсудимого Фрица Давида (Круглянского).

На вечернем заседании 21 августа последним давал показания подсудимый Фриц Давид, переброшенный Троцким из-за границы в качестве террориста с поручением совершить покушение на товарища Сталина.

Фриц Давид, отвечая на вопросы товарища Вышинского, подробно показывает суду, как он связался в августе 1932 года с Седовым, а через последнего с Троцким.

Вышинский: — Когда вы встретились с Троцким?

Фриц Давид: — Я с ним встретился в конце ноября 1932 г.

Вышинский: — Скажите, при этой встрече с Троцким у вас был разговор о терроре?

Фриц Давид: — Был.

Вышинский: — По чьей инициативе?

Фриц Давид: — По инициативе Троцкого.

В своих показаниях о содержании беседы с Троцким Фриц Давид заявляет, что Троцкий говорил о том, что приход троцкистов к власти в СССР возможен только при условии физического уничтожения Сталина.

В качестве одной из перспектив Троцкий выдвигал поражение в случае войны, но подчеркивал, что «есть более близкая перспектива прихода троцкистов к власти — это перспектива физического устранения Сталина».

— Я, — говорит Фриц Давид, — эту вторую перспективу принял.

Вышинский: — Вы так и сказали ему, что вы эту установку принимаете, что вы согласны?

Фриц Давид: — Да.

Продолжая свои показания, Фриц Давид говорит, что Троцкий дал ему две директивы. Первая директива касалась конспирации. «Троцкий, — говорит Фриц Давид, — предложил мне поехать в СССР и совершить террористический акт лично без помощи других, без какой-нибудь организации, без связи с другими троцкистами, так как это дело связано с риском и не имеет смысла вовлекать в этот риск троцкистскую организацию в СССР. Вторая директива касалась того, что этот террористический акт должен носить международный характер и произведен на международном собрании. Этот выстрел, по выражению Троцкого, должен прогреметь на весь мир».

«Кроме того, — продолжает Фриц Давид, — Троцкий предложил мне держать с собой в СССР так, чтобы не проявлять никаких уклонов от генеральной линии партии, чтобы в своих выступлениях в печати я строго придерживался линии партии, и что бы после совершения террористического акта я ни в коем случае не раскрывал нитей».

Приехав в марте 1933 года в СССР, Фриц Давид встретился с Берманом-Юриным, который его разыскал по поручению Седова. Фрицем Давидом и Берманом-Юриным были разработаны два конкретных плана покушения на товарища Сталина: первое покушение — на XIII Пленуме ИККИ, второе — на VII Конгрессе Коминтерна. Эти замыслы сорвались, так как на XIII пленуме товарищ Сталин не присутствовал. На конгресс Коминтерна проник только один Фриц Давид, так как для Бермана-Юрина он не сумел достать билета. Фриц Давид, по его словам, не смог совершить террористического акта потому, что приблизиться к товарищу Сталину было невозможно.

Вышинский: — Вы пошли на конгресс, чтобы совершить покушение?

Фриц Давид: — Конечно.

После VII конгресса к Фрицу Давиду дважды являлись посланцы от сына Троцкого Седова, которые от имени Седова обвиняли террористов в недостаточной активности и предлагали им ускорить террористический акт, согласно указаний Троцкого.

Вышинский: — Эти встречи происходили на основе ваших террористических планов?

Фриц Давид: — Встречи были вызваны тем, что акт на VII конгрессе не произошел и это вызвало злость Седова.

Вышинский: — Но у вас прошли эти террористические настроения или сохранились до последнего времени?

Фриц Давид: — Да, сохранились.

Вышинский: — До какого времени?

Фриц Давид: — До ареста.

Вышинский: — Таким образом можно подвести итоги. Вы были членом троцкистской организации, лично виделись с Троцким. Троцкий лично командировал вас в СССР для того, чтобы совершить террористический акт, предупредил вас, что вы должны быть строго законспирированы. Этим об'ясняется то, что вы не вступили в связь с другими членами троцкистской организации кроме Бермана-Юрина. Вместе с Берманом-Юриным, который получил аналогичное поручение, вы подготовили покушение на товарища Сталина, приурочивая это к VII конгрессу в 1935 году. Вы лично проникли на конгресс, воспользовавшись своими связями в Коминтерне, чтобы совершить этот акт, но это вам не удалось по обстоятельствам, от вас не зависящим.

Заявление прокурора Союза ССР товарища Вышинского.

На вечернем заседании 21 августа, после допроса подсудимых, прокурор Союза ССР товарищ Вышинский сделал следующее заявление:

«На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев, и Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова и, в зависимости от результата этого расследования, будет прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольникова, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственный органа данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

*

В конце вечернего заседания 21 августа подсудимый Дрейцер, отвечая на вопросы товарища Вышинского по поводу некоторых подробностей контрреволюционной деятельности троцкистско - зиновьевского центра, заявил, что одним из активных участников террористической работы троцкистов был Путна — активный старый троцкист. По словам Дрейцера, Путна с двурушнической целью отошел в свое время от троцкистов, но продолжал до самого последнего времени вести глубоко законспирированную работу для троцкистского центра, в частности, показывает Дрейцер, Путна имел связь непосредственно с Троцким, встречался с И. Н. Смирновым и в 1932 году передал Смирнову через Дрейцера устную директиву Троцкого об организации террористических групп. Подсудимый Смирнов, продолжая свою тактику, пытается отрицать факт участия Путны в террористической деятельности троцкистов. Однако, на вопросы товарища Вышинского подсудимые Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтверждают показания Дрейцера.

По окончании допроса подсудимых председатель суда тов. Ульрих об'являет судебное следствие законченным.

Сегодня судебное заседание откроется в 11 часов 30 минут речью государственного обвинителя прокурора СССР товарища Вышинского.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Речь государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского.

Товарищи судьи, товарищи члены Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина — пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы не были чудовищны эти преступления и как бы не были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь может быть через несколько часов выслушать ваш приговор — приговор суда советской страны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимого сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое социалистическое общество, новое советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и лишенных нами ко дню эксплоататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы. Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены» *), без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савинковых, Гоцев, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал, что «надо иметь ввиду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв» **).

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но и предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами и агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против советского государства; этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц—она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел первого декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна — миллионы, десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина — Сталина. Железной, несокрушимой стеной стала страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечным сверкающим стальным лентам которых, из конца в конец, мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ, окруженная любовью народа, Красная армия. Дороги и близки родные нам и всем кто преисполнен сыновней любовью к своей матери родине — имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися всего мира имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным, окончательно и бесповоротно, победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплоатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятерив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинского-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед, создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, создан и закреплен союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов — против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития. Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого, сидящие здесь, на скамье подсудимых «герои», всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, нашей партией и ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства, являются, мыслимые только в нашей стране, широкие массовые народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

I. Троцкистско-зиновьевский центр—банда презренных террористов.

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере, их главари не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, они говорили о политической борьбе, о каких то политических соглашениях, с какими то, якобы, политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как по их собственному признанию их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, как будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — лживое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах, и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, взъярившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, — вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако, кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом—убить. Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? Никак! А ведь эти люди себя когда то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором. Но марксизм может объяснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году в присутствии ряда членов об'единенного троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин об'единяет всю силу, твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевания масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы —это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма. Без масс, против масс, но за власть, за власть во что бы то ни стало, жажда личной власти, — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем об'яснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел, — говорил Каменев, — к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что «политика партии победила» они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша, — говорит Каменев, — на возможность раскола партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то-есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более послеовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, к которой мы некогда были близки, и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь, — говорит Зиновьев, — со всей наглядностью сказались полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть» (Дело т. 12, лист дела 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком — языком уголовного кодекса и рассматривать их, как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они, хотя бы из стыдливости, мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами и затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись притти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце-концов успешно завершились переговоры об об'единении между троцкистами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база об'единения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно — и в этом не сомневаюсь, — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и протоколами предварительного следствия; вы убедитесь с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых и в том числе о Смирнове и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и об'ективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые — не политические младенцы, а прожженные игроки политической борьбы, они прекрасно понимают, к какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор — и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху, — но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

II. Троцкий, Зиновьев, Каменев—заклятые враги Советского Союза.

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского об'единения. Здесь совершенно согласно об этом показали люди непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно также и Берман-Юрин, Фриц Давид и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас — штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции — гестапо.

Все эти люди под тяжестью пред'явленных им улик не смогли дальше запираться и должны были признать, что главным и даже единственным об'единявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом, — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932 — 1936 годах, быть может наиболее отчетливо и характерно выражены обвиняемым Мрачковским, заявившим как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: «Главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства». Вся звериная злоба и ненависть были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета, против тов. Сталина, против славных его соратников. На них, во главе с тов. Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством тов. Сталина — гениального продолжателя и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией, под их руководством была окончательно разбита на голову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией тов. Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие, самые отоглелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было из'ято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих заграничных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким, и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер — у того не дрогнет рука». (Дело том 8, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран, нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен».

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговор об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания предусмотренного нашим законом—расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого—Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были, якобы, личной установкой Седова. Но это пустое об'яснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с 6. 12-го или еще с более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян — один из главных организаторов об'единенного центра, подтвердил, что будучи за границей Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал показание, заменив упоминание о терроре словами «острая борьба с руководителями ВКП(б)». После и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой вероятно крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности об'единенного центра. Директива об организации об'единенного центра и переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого, как основу действий об'единенного центра и подполья.

Эти подлинные закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм, — тем сильнее их ненависть против ЦК, Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются ре-

(Продолжение на сл. странице).

*) (Ленин «Очередные задачи советской власти», 22 том, 457 страница).

**) (Сталин «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е, стр. 510).

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Продолжение речи государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского.

вольверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только подготовляются к этим злодейским преступлениям, но и осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе—в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они и стреляют — стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили тов. Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

Внешняя политика?

Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) Убрать Сталина, Ворошилова. 2) Развернуть работу по организации ячеек в армии. 3) В случае войны использовать всякие неудачи, возможное замешательство для захвата руководства.

Это откровенная ставка на поражение.

то тот же старый «тезис Клемансо» в новом издании под редакцией об'единенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует, и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым и Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот,—говорил Троцкий,—в этих условиях враждебные режиму силы, будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы об'единить, возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов». (Дело том 8, лист дела 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 года (очевидно, это у него идея фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

« В связи с международным положением того периода,—показывает Берман-Юрин,— Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом, огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне,— добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство». (Дело том 4-й, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это — выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все—вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою окончательную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозгласили «тезис Клемансо», что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние восьмидесяти километров от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Берман-Юрина и Фриц Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей. За одну такую программу, наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

III. Двурушничество, обман, провокация— основной метод троцкистов-зиновьевцев.

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди. Это, может быть, одна из самых позорных страниц позорной преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые азефы и малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933-34 году Зиновьев, с глаза на глаз, говорил ему, а теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя».

Можетъ быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террора со взглядами большевиков-марксистов». (Дело т. 27 л. д. 112).

Троцкий, в свою очередь, тоже рекомендовал в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан, спрелявшей во Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев и Каменев, усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя мальчистами и, помня формулу «восстание есть искусство» — переделали ее по своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина, — есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда, действительно, слово маскировка приобретает подлинное значение. Эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда об'единенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в товарища Кирова, — именно, в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1933 года, т. е. в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду.

Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии, сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК».

Мы знаем теперь, чего стоят эти слова. Мы знаем, Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 года он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм, поет аллилуйя победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16 июня, то есть летом 1933 года. А тем же летом, того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов здесь не сказал ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он «решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем, Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15-16 января разыграли очень неплохо одну из сцен своей коварной и вероломной маскировки. В своих об'яснениях (на судебном заседании от 15-16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев, что-то утаил из разговоров с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением, Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15-16 января 1935 года, для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они может быть не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, а через вас, через суд, и всю страну — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющихся еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей стране, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?,—«Сейчас я говорю всю правду до конца».

Но где же доказательства этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве? Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова, послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятнее всего, 4 декабря.

Этот некролог, посвященный Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати, который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности.

«Это можно наблюдать в течение всех лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчился нанести тот или другой удар большевикам. Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и так далее.

И дальше, Зиновьев писал: «Горе партии—есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии—есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты, возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас то это в какой мере касается?

«Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого любимого родного человека всеми ощутилась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого»... Вот, что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье!

Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев?

Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас красненет кировская кровь!...

«Любимый сын партии» — писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «наш дорогой, глубокий и крепкий... Ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить, и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило, что-либо подобное!

Что можно сказать, и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта. Кощунство! Вероломство! Двурушничество! Коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погубили этот маяк и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей рукой Николаева, а через 2-3 дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погасшем маяке». Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам? — В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу, так называемой, зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил на XVII с'езде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 году. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он также, как и Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным и т. д. и т. п.». «Ясно,—писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года, — что сопротивление политике, возглавляемой тов. Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 года выступать противниками политики Ленина». Плача и стеная, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал: «Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии. Обман?

Каменев: — Нет, хуже обмана.

Вышинский: — Вероломство?

Каменев: — Хуже!

Вышинский: — Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: — Вы его нашли!».

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно, идеологического уровня обвиняемого Каменева, для характеристики его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Маккиавели (том первый). Она издана в 1934 году издательством «Академии», которым руководил тогда Каменев с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соотвествии с его княжескими интересами. Маккиавели писал: «Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойственен человеку, второй — зверю.

Так как, однако, первого очень часто недостаточно — приходится обращаться ко второму. Князю, необходимо владеть природой, как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось и он написал в кратком предисловии этой книги несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик... (это Маккиавели, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут ока зывается диалектиком!)»... Мастер политического афоризма... Хорош афоризм! Маккиавели писал: Действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты — говорит Маккиавели — достигнешь своих целей. И это подсудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма». Послушаем, что пишет Каменев дальше: «... Диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...». По Каменеву это очевидно и есть диалектика смешать преступное с неприступным, законное с незаконным, добро со злом—в этом новое «марксистское» об'яснение диалектики на примере Маккиавели.

«Маккиавели — писал Каменев в 1934 году — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководствоваться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на нее». Хорош у вас Каменев был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишите в этом предисловии: «Это далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это — так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, — пишете вы, этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе, вольно или невольно, создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Маккиавеля и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте, наконец, до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Маккиавели Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитался. И хотя Маккиавели перед ними щенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «маккиавелизма» и азефовщины черпали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать то, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством и изменой.

IV. Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана.

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности, так называемого, об'единенного центра и характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что об'единение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить не удастся, слишком сильны факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развернула свою деятельность, именно, как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу — злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она осуществила. Это самое ужасное из тех преступлений, которые удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над, так называемым, «ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котальнов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало возможности нас предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, руководстве этим убийством и осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу, так называемого, «московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они об'ективно подстрекали к убийству, создавали об'ективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно об'ективными, и следствие, и обвинительная власть не предъявили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве и прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим, по делу «московского центра», и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их орудием в своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что кроме моральной и политической ответственности они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они, якобы, полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинений в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 года Зиновьев говорил: «На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал как ошибку преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда данной группой...»

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром и тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденного. Это — обычные уловки в уголовных преступлениях: перед лицом более тяжелых преступлений, признаваться в более легких преступлениях. Это способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступлениям.

Эту позицию заняли и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это они не будут отрицать — также Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 году почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, и искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим об'ясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на ленинградском процессе 15-16 января 1935 года. «Верно, — говорил Зиновьев, — что нас судят по об'ективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ними вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменева, ни Сахова. Зиновьев говорил, что суб'ективно, они были «преданы» рабочему классу, тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он, и они пятнадцать его участников были суб'ективно, якобы, преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции. А об'ективно получалось у них наоборот. . Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что суб'ективно он был предан рабочему классу, а об'ективно вышло, наоборот. Не может так быть этого и так не бывает. Если об'ективно действительно получилось так, то это потому лишь, что, обвиняемый Зиновьев, ваша суб'ективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против советского государства не только злобой, но и отнеприятельским оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы и в этот момент продолжать политику двурушничества.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня лично играл громадную роль именно этот момент». Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства — это или несправедливость, или недоразумение. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на ленинградском процессе!.. Нет он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, з несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать говорить и совершать тягчайшие преступления.

Вы говорили:

«... Я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?».

Вот мысль, которая мучила вас, — что без вас нельзя.. Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами.

Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал.

Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр об'единенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1932 году он проявляет особенную активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что:

«Это не есть центр, который был в 1926-1927 годах», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, что была группа, которая состояла из Котальнова, Мандельштама, Мясникова и других». Крупную роль играл Котальнов, о чем Зиновьев, якобы, узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева — Котальнова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котальнов, Мандельштам и другие готовили преступление!

Здесь опять-таки обман и ложь, опять-таки маскировка!

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 году должен был при всей своей маскировке признать, что он искал сближения с Котальновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 году он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве товарища Кирова, и добавляет: «организационных разговоров у нас не было. Да, в этом и не было особой нужды. Меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков и полупризнаний, на основе которых впоследствии, только собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

(Продолжение смотри на 3 странице).

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Продолжение речи государственного обвинителя, прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского.

Еще в январе 1935 года по делу «московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели», как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова?

Почему для переговоров с ленинградской группой будущих убийц тов. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в об'яснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15-16 января 1935 года. На Бакаева падает выбор Зиновьева потому, что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «Знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...».

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну, это знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили «проходил ли этот человек здесь?» — ответил, показывая палец у себя на рукаве, «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева, который ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «Я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы — и Каменев и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котальновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной и уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проведал, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун — Сергей Миронович Киров, и они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котальнов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев об'явил «делом чести» — позорно употреблять здесь это слово — скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но и всю уголовную ответственность, и при том полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова?

Конечно, Зиновьев скажет: «Да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств!

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорит, что поскольку этот центр был и это доказано, он за него отвечает.

У Каменева выхолило: не знал, что был центр, но если центр был, значит я знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано.

А теперь это подтверждено еще новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Показательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: Я ослеп — дожил до 50 лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием. Какой то спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп потому, что он действовал и словом и молчанием. Молчанием — когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: «действуйте», когда может быть некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как наставнику.

Каменев заявил: «Я хочу сказать не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал».

С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий — это активные члены ленинградско-зиновьевской банды, убившей тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, т. е. с одним из главных организаторов убийства товарища Кирова. Значит на эти разговоры Каменев шел, веля эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место... За последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу, или не ставил?

Тогда он говорил — «нет». Теперь два дня тому назад он сказал — «да». Тогда он говорил: — «нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей кошмарного преступления, потому что тогда по состоянию следственного материала не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил — «нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит — «да».

Характерный факт!

Он свидетельствует, какую большую и решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно прийти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему там свое место. А ежели не потеснится, и не освободит ему там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории — к «фантазерам». Фантазии тут немало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много.

На это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами великих строителей социализма...» Надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймой, портрет товарища Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

...«Перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...»

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

V. Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова.

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были: Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководителей советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого — Зиновьева — Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал, он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их для связи с германским гестапо в лице Тукалевских, П. Ольбергов и тому подобное.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями, буквально, всех подсудимых, в том числе, в этой части, и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы...

Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Это входило, как я уже сказал, в общий план, план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 году Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого — Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства был направлен в начале ноября 1934 года, т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном, в город Ленинград для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым приехал в Москву и сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах.

После длительного запирательства на предварительном следствии, Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 года на даче Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий)—было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву — против товарища Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год — год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско - зиновьевского центра и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству товарища Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Известно. Как же после этого вы позволяете говорить, что вы не принимали практического участия в убийстве тов. Кирова? Ваша попытка свалить все это на Зиновьева просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «Было решено» убить и добавляет «я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства тов. Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов и тогда уже после этого Бакаев признался. Именно поэтому, в виду полного сознания Бакаева, я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котальнова и его группы. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: когда организовался об'единенный центр? Зиновьев ответил: «Летом 1932 года». Я спросил: В течение какого времени он действовал? Зиновьев: «Фактически до 1934 года».

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 году Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Как известно, в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал.

Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел. «Я же ничего не сделал, я же сидел», — скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов, для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев, и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев и Каменев они были организаторами центра, они дали направление деятельности своих террористов, всех этих пикелей, дрейперов и других. Они же в полной мере и должны за это отвечать независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно и на этом подробнее я думаю можно не останавливаться. Как руководители они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра, Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства».

Я спросил: против кого? Зиновьев ответил: против руководителей. Я спросил: т. е. против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром, или какой-нибудь другой организацией? Зиновьев: Да, нашим центром. Я спросил: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян? Зиновьев:—Да. На мой вопрос: Значит вы организовали убийство тов. Кирова? Зиновьев: — Да.

За это преступление и должны отвечать и Зиновьев, и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это несколько в юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейперу, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья! Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его, как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 году был в Берлине и встретился там с Седовым и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов, отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью...

Мы его спросили: Где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не закинулся о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 году была? — Была. Седов — сын Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности? — Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил? — Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре? — О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично! Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка» и иначе быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов — это не Гольцман. Гольцман — это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов—это Смирнов. Он — руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы? А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 году он слова Седова не понял как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 году он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо, если это была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение и линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 году. Получили директиву от Дрейпера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 году вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убить Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: «Я получил его, но не принял». Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие о политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите — я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Вы можете утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее не приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто ни поверит, потому что вы на этом суде не сказали и не хотели сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

1. Смирнов был членом об'единенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он—один из важнейших организаторов центра.

2. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление в его деятельности.

3. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в тоже время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: Ну террористическая основа, ну террористические настроения и разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп и на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь тов. Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов — этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии и руководителей нашей страны.

Смирнов убеждал Зиновьева: Давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятится, как бы не отстать.

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: В один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению средство — убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено, как в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

VI. Маска с обвиняемых сорвана.

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена, и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова и поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать. Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 году, а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолированным. Он все отрицал — он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 году, он отрицал существование такого центра в 1932 году — он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «Я это отрицаю, еще раз отрицаю и отрицаю». Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов — я признаю все, кроме террора — потому, что он знает, что за террор может свалиться сплеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы дали несколько иные показания (лист дела 51, том 29-й), то-есть вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «Что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке». Я—могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?» Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора и, таким образом, являетесь одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: «не помню», «очевидно такой разговор мог быть». Его спрашивают: — был ли разговор об организации террора?— «Не был, а мог вестись». Такая же животная трусость им руководит и сейчас, когда он маскируясь говорит: «Мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 году этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него в начале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде можно прийти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и того, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58-8, 1958-8, 58-11 Уголовного Кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он является по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем — фашистским агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охранки, начальника германских охранных отрядов и впоследствии начальника германского гестапо.

Вы помните все их показания и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей и моральное, и политическое. И может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю о их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил! Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицает. Она слишком кошмарна и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, у которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, и не в этом вопрос и не в этом суть. Это — один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки. Но, позвольте, а убийство зиновьевского секретаря Богдана—это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека. Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению об'единенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего об'единенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем или сам убей себя», — так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал...

(Окончание смотри на 4 странице)

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра.

ОКОНЧАНИЕ РЕЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ, ПРОКУРОРА СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить, как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжких преступлений.

VII. Взбесившихся псов—расстрелять всех до одного.

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны.

Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «народной воли», пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики. То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев.

Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции!

Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда своими особыми путями и методами, но всегда безупречными действовали во времена «народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу — я решительно отметаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, к вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые пред'являет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях — применить к ним в полной мере и те статьи закона которые пред'явлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

Утреннее заседание 22 августа.

Все утреннее заседание 22 августа было заполнено речью государственного обвинителя, прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского, которая продолжалась четыре часа.

Вечернее заседание 22 августа.

После открытия вечернего заседания, председательствующий тов. Ульрих обращается к каждому из подсудимых, предоставляя им слово для защитительной речи, поскольку они отказались от защитников. Все подсудимые поочередно заявляют суду, что они не будут произносить защитительные речи, мотивируя это тем, что они воспользуются правом последнего слова. Ряд подсудимых при этом подчеркивает, что они не считают себя вправе защищаться, поскольку они признают выдвинутые против них обвинения правильными.

После короткого перерыва, суд приступил к выслушиванию последних слов подсудимых. В течение вечернего заседания произнесли последнее слово подсудимые Мрачковский, Евдокимов, Дрейцер, Рейнгольд, Бакаев и Пикель.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Вечернее заседание 22 августа

На вечернем заседании 22 августа председательствующий тов. Ульрих предоставляет подсудимым последнее слово.

Первым получает слово Мрачковский.

Подсудимый Мрачковский начинает свое последнее слово с автобиографии. Затем он говорит:

— В 1923 году я стал троцкистом. Я встал на путь подлый, на путь обмана партии. На прошлых заслугах надо поставить крест — прошлого не существует. На настоящем крест не поставишь. Я контрреволюционер.

— Я не прошу, — продолжает Мрачковский, — смягчить мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости.

— Почему я, — говорит далее Мрачковский, — стал на контрреволюционный путь?—Связь с Троцким — вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей. Могут сказать: не помогла партия, может быть, можно было оторвать меня от контрреволюции и спасти парня, а партия не приняла мер. Неверно это. Партия сделала все, чтобы оторвать меня от контрреволюции. Партия помогала и крепко помогала мне.

— Я сказал, пожалуй, все, — заканчивает Мрачковский. Пусть все помнят, что контрреволюционером может быть не только генерал, не только князь или дворянин, но могут быть контрреволюционерами и рабочие или выходцы из рабочих, такие, как я. Я ухожу как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, и прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту блеветину выплюнул.

★

— Кто нам теперь поверит хоть в одном слове? — начинает подсудимый Евдокимов. — Кто поверит нам — разыгравшим гнусную комедию у свежей могилы убитого нами Кирова, нам, только случайно и то не по нашей вине, не ставшими убийцами Сталина и других вождей народа! Кто поверит нам, представшим перед судом, как контрреволюционная бандитская шайка, как союзники фашизма, гестапо? Разве хотя бы у одного из нас осужденных во время прошлогоднего ленинградского процесса зиновьевцев, дрогнуло сердце при мысли об оставшихся на воле сообщниках, хотя, сидя в тюрьме, мы знали, что каждый день, каждый час может раздаться новый злодейский выстрел. Никто из нас не сделал того, что должен был бы сделать если бы хотя тончайшая нить связывала бы нас с делом революции.

Мы от фашистов отличаемся очень невыгодно. Фашизм прямо и открыто написал на своем знамени: «Смерть коммунизму». У нас все время было на устах: «Да здравствует коммунизм», а на деле—борьба против победившего в СССР социализма. На словах — «Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)», на деле—подготовка убийств членов политбюро Центрального комитета партии, одного из которых мы и убили. На словах—«долой империализм», на деле — ставка на поражение СССР в борьбе с международным империализмом.

— Троцкий, — продолжает подсудимый Евдокимов, — не сидит вместе с нами на скамье подсудимых, так как находится за границей. У него две перспективы: либо исчезнуть немедленно и бесследно, как исчез Азеф, не только с политической арены, но вообще с арены жизни, перейти в небытие, спрятаться по какой-нибудь фальшивке, как спрятался Азеф, либо предстать в свое время перед пролетарским судом.

— Не нахожу возможным, — заканчивает свое последнее слово Евдокимов, — просить о снисхождении. Слишком велики наши преступления и перед пролетарским государством и перед международным революционным движением, чтобы мы могли рассчитывать на снисхождение.

★

— Политический вес и биография каждого из нас, — говорит Дрейцер, — не одинаковы в прошлом. Но став убийцами, мы сравнялись здесь. Я во всяком случае принадлежу к тем, кто не в праве ни рассчитывать, ни просить о пощаде.

★

— Как бы ни решалась наша судьба, — говорит в своем последнем слове подсудимый Рейнгольд,—но мы уже расстреляны политически. Представитель государственного обвинения голосом 170-миллионного советского народа потребовал для нас, как для бешеных собак, расстрела. — Я знал, куда я иду и на что я иду. Я и вся сидящая здесь террористическая троцкистско-зиновьевская организация разоблачена этим процессом, как ударный отряд, ударный белогвардейский фашистский отряд международной контрреволюционной буржуазии.

— Круг сомкнулся. Конец политическому маскараду, конец бутафории с оппозициями, дискуссиями, платформами. На месте оппозиции стал государственный заговор, на месте дискуссии и платформы — пуля и бомба. Рейнгольд заканчивает:

— Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

— Свою вину я признал полностью. Не мне просить о пощаде.

★

— Я виновен в убийстве Кирова, — заявляет Бакаев,—я принимал непосредственное участие в подготовке других террористических актов против руководителей партии и правительства. Я готов нести ответственность во всей ее полноте. Мы, троцкисты и зиновьевцы, работали не только на пользу международной контрреволюционной буржуазии, но работали руководителями с агентами самого злобного врага рабочего класса—фашизма.

— Факты, прошедшие перед судом, показывают всему миру, что организатором невиданного в мире троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока и душой его является Троцкий. За интересы Зиновьева и Каменева я прозакладывал свою голову. Меня глубоко тяготит сознание того, что я стал послушным орудием в руках Зиновьева и Каменева, стал агентом контрреволюции, что я поднял руку на Сталина.

Бакаев обращается к Зиновьеву с обвинением в том, что тот не был откровенен на суде.

Бакаев заканчивает свое последнее слово заявлением, что понимает всю тяжесть преступления и ждет заслуженного и справедливого приговора пролетарского суда.

★

Подсудимый Пикель дает детальный обзор истории развития троцкистско-зиновьевской оппозиций, ставшей бандой контрреволюционеров — террористов. Он заявляет, что уже с 1925 года борьба этой оппозиции против партии, ее Центрального комитета носила все элементы политического бандитизма. Эта борьба началась с гнусных инсинуаций против руководства партии и кончилась террористическими актами.

— Вывод может быть только один,— говорит Пикель. — Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся ничем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты и агенты иностранных государств.

— Последние восемь лет являются для меня годами подлости, годами жутких кошмарных дел. Я должен понести заслуженное мною наказание.

★

На этом вечернее заседание заканчивается.

Утреннее заседание 23 августа

На утреннем заседании 23 августа продолжаются последние слова подсудимых.

— Я, вместе с Зиновьевым и Троцким,—заявляет Каменев, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийство Кирова.

— Десять лет, если не больше, — продолжает Каменев, — я вел борьбу против партии, против правительства советской страны, лично против Сталина. В этой борьбе я использовал, мне кажется, весь известный мне арсенал политических средств — открытую политическую дискуссию, попытки проникнуть на фабрики и заводы, нелегальные прокламации, подпольные типографии, обман партии, выход на улицу и организацию уличных выступлений, заговор и, наконец, террор.

Я изучал когда-то историю политического движения и не могу вспомнить такой формы политической борьбы, которую мы не проводили бы за последние десять лет. Нам в нашей политической борьбе пролетарская революция предоставила такой срок, какой никогда ни одна революция не предоставляла своим врагам. Буржуазная революция 18-го века давала своим врагам недели и дни, а затем уничтожала их. Пролетарская революция десять лет предоставляла нам возможность исправиться и понять свои ошибки. Но мы этого не сделали. Я трижды был возвращен в партию. Я был возвращен из ссылки по одному лишь моему личному заявлению. После всех моих ошибок, мне доверялись ответственные поручения и посты. Я сейчас стою третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях. Дважды мне была сохранена жизнь. Но всему есть предел, есть предел и великодушию пролетариата, и этот предел мы исчерпали.

— Я спрашиваю себя, — говорит далее Каменев, — случайность ли то, что рядом со мною, Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым, Мрачковским, сидят эмиссары иностранных охранок, люди с фальшивыми паспортами, с сомнительными биографиями и с несомненными связями с гестапо? Нет! Не случайность это. Мы сидим здесь вместе с агентами иностранных охранок, потому, что нашим оружием было одно и то же, потому, что руки наши переплелись раньше, чем судьбы наши переплелись здесь, на этой скамье.

— Так,—заканчивает Каменев, — служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, подготовляли, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились.

★

— Я хочу еще раз сказать, — начинает свое последнее слово подсудимый Зиновьев, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым, после Троцкого, организатором троцкистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийства Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова.

— Партия, — продолжает Зиновьев,—видела, куда мы идем, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин указывал, что среди оппозиций могут появиться тенденции насильственным путем навязать свою волю партии. Дзержинский, еще перед четырнадцатым с'ездом партии, на одном из совещаний назвал нас кронштадтцами. Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Дзержинский, Микоян всячески пытались нас убедить, спасти нас. Они десятки раз говорили нам: вы можете причинить огромный вред партии и советскому государству, вы сами при этом погибнете. Мы не послушались этих предостережений. Мы вступили в союз с Троцким. Мы стали заместителями меньшевиков, эсеров, белогвардейцев, которые не могли выступать открыто в нашей стране. Мы стали заместителями эсеровского терроризма. Не дореволюционного терроризма, направленного против самодержавия, а право-эсеровского терроризма эпохи гражданской войны, когда эсеры стреляли в Ленина.

Мой дефективный большевизм превратился в антибольшевизм, и я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевщина—разновидность троцкизма.

— Вы мне поверите, граждане судьи, что наибольшим наказанием, чем все, что мне предстоит, был для меня момент, когда я слушал здесь показания Натана Лурье и показания Ольберга. Я чувствовал и понимал, что мое имя будет связано с именами тех, которые стояли со мною рядом. По правую руку — с Ольбергом, по левую руку — с Натаном Лурье...

★

В своем последнем слове, Смирнов подробно останавливается на истории своей борьбы с партийным руководством после того, как он в 1929 году был прощен партией и возвращен в ее ряды.

— Я вернулся в партию, — говорит Смирнов, — в 1929—30 гг., и партия сделала все, что могла, чтобы помочь мне стать на верные рельсы. Но я не сумел оправдать доверия.

Продолжая свое слово, Смирнов говорит, что уже в 1931 году он вновь поднял борьбу с руководством партии.

— Это была моя ошибка, которая переросла затем в преступление. Это толкнуло меня на восстановление связи с Троцким, толкнуло на искание связи с группой зиновьевцев, это привело меня к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 года, через Гавена, директивы о терроре от Троцкого, привело к террору. Директиву Троцкого о терроре я передал блоку, куда входил в качестве члена центра. Блок эту директиву принял, стал действовать.

Затем, как и на предварительном и судебном следствии, Смирнов продолжает отрицать ответственность за преступления, совершонные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста.

(Окончание см. на 4 стр).

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

(Окончание. Начало см. на 3-й странице)

Далее Смирнов обращается ко всем своим сторонникам с призывом твердо порвать с прошлым, бороться с троцкизмом и Троцким, заявляя: «нет другого пути у нашей страны, чем тот, по которому она идет, и нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дано нам историей. Троцкий, который посылает директивы и установки на террор и рассматривает наше государство, как фашистское — враг, он на другой стороне баррикады, и с ним надо бороться».

★

— Все мое политическое мировоззрение, — говорит Ольберг, — сложилось под влиянием Троцкого и троцкизма. Я вслед за Троцким не останавливался ни перед террором, ни перед соглашением с фашистами. Цели троцкистской контрреволюционной организации и их безнадежность стали мне особенно ясны на этом процессе, на котором я со всей четкостью увидел, как жалки те лидеры троцкистско-зиновьевской контрреволюции, которые повели нас, молодых, по пути террористической борьбы, и как велика мощь советского государства... Я прошу Верховный суд дать мне возможность попытаться, хотя бы частично, загладить свои чудовищные преступления.

★

— В своем заключительном слове,— говорит Берман-Юрин, — я не хочу защищать себя какими-нибудь аргументами. Нет этих аргументов. Я раскаялся, но поздно. Гражданин прокурор вчера в своей обвинительной речи дал полную картину моих преступлений и пролетарское государство поступит со мною так, как я этого заслужил. Поздно сокрушаться.

★

— Здесь, — говорит Гольцман, — на скамье подсудимых, вместе со мной сидит компания убийц, не только убийц, а фашистских убийц. Я не прошу никакой пощады.

★

— Мое преступление — ясно, оно доказано, — говорит Н. Лурье. — Я не знаю, что я еще бы мог сказать в свою защиту. В моем последнем слове я могу только пожалеть о том, что я делал... Но я слишком поздно об этом жалею.

★

В своем последнем слове М. Лурье говорит:

— Я ничего не скрыл, в этом меня не могут упрекнуть. Прокурор требовал для меня сурового наказания. Но разве можно сравнить мое преступление с преступлением моего главаря.

М. Лурье просит о применении к нему смягчающих вину обстоятельств.

★

На этом кончается утреннее заседание. (ТАСС).

Вечернее заседание 23 августа

В вечернем заседании 23 августа произносят последние слова подсудимые Тер-Ваганян и Фриц Давид.

★

В последнем слове подсудимый Тер-Ваганян полностью признает свою вину перед советским государством и перед партией.

— Я подавлен, — говорит Тер-Ваганян, — тяжестью всего того, что здесь вскрылось. Я подавлен речью прокурора.

Очень трудно, когда всем ходом твоего преступления оказываешься на положении врага, фашиста, которого судит пролетарский суд. В такой момент было бы, конечно, лукавством, если бы я не сказал одного: хочется получить возможность приложить все усилия, чтобы заполнить ту пропасть, ту бездну, которая отделяет меня от бывших товарищей.

— Я склоняю повинную голову перед судом и говорю: каково бы ни было ваше решение и как бы суров ни был приговор — я его принимаю, как заслуженный.

★

— Я хочу заверить пролетарский суд, — говорит подсудимый Фриц Давид, что я проклинаю Троцкого. Я проклинаю этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление.

★

В 7 час. вечера суд удаляется в совещательную комнату. (ТАСС).

★

В 2 часа 30 минут 24 августа председательствующий тов. Ульрих огласил «Приговор». (ТАСС).

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе

Председательствующего — председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР армвоенюриста тов. УЛЬРИХ В. В.

Членов:—заместителей председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР корвоенюриста тов. МАТУЛЕВИЧ И. О. и диввоенюриста тов. НИКИТЧЕНКО И. Т.

При секретаре—военном юристе 1-го ранга тов. КОСТЮШКО.

С участием государственного обвинителя, прокурора Союза ССР тов. ВЫШИНСКОГО А. Я.

В открытом судебном заседании в гор. Москве 19—24 августа 1936 года рассмотрела дело по обвинению:

1. **Зиновьева,** Григория Евсеевича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зиновьевцев по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

2. **Каменева,** Льва Борисовича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зиновьевцев по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 5 лет и вторично осужденного 27 июля 1935 года по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

3. **Евдокимова,** Григория Еремеевича, 1884 года рождения, служащего осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зиновьевцев по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

4. **Бакаева,** Ивана Петровича, 1887 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зиновьевцев по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

5. **Мрачковского,** Сергея Витальевича, 1883 года рождения, служащего;

6. **Тер-Ваганяна,** Вагаршака Арутюновича, 1893 года рождения, служащего;

7. **Смирнова,** Ивана Никитича, 1880 года рождения, служащего — всех семерых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—8 и 58—11 УК РСФСР.

8. **Дрейцера,** Ефима Александровича, 1894 года рождения, служащего;

9. **Рейнгольда,** Исаака Исаевича, 1897 года рождения, служащего;

10. **Пикеля,** Ричарда Витольдовича, 1896 года рождения, служащего;

11. **Гольцмана,** Эдуарда Соломоновича, 1882 года рождения, служащего;

12. **Фрица Давида,** он же **Круглянский** Илья-Давид Израилевич, 1897 года рождения, служащего;

13. **Ольберга,** Валентина Павловича, 1907 года рождения, служащего;

14. **Бермана-Юрина,** Конона Борисовича, он же Александр Фомич, 1901 года рождения, служащего;

15. **Лурье,** Моисея Ильича, он же **Змель** Александр, 1897 года рождения, служащего;

16. **Лурье,** Натана Лазаревича, 1901 года рождения, служащего — всех в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 19—58—8 и 58—11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Осенью 1932 года, по директиве **Л. Троцкого,** полученной руководителем троцкистского подполья в СССР, **И. Н. Смирновым,** произошло об'единение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп, организовавших «об'единенный центр» в составе: **Зиновьева, Каменева, Евдокимова** и **Бакаева** (от зиновьевцев) и **Смирнова, Тер-Ваганяна** и **Мрачковского** (от троцкистов).

Об'единение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе применения индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям **Троцкого,** полученным «об'единенным центром» через подсудимых **Смирнова, Гольцмана** и **Дрейцера,** в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

Судом установлено, что «об'единенным центром», по прямым указаниям **Л. Троцкого** и **Зиновьева,** было организовано и осуществлено 1-го декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев **Николаева—Котолынова,** злодейское убийство члена президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) тов. Сергея Мироновича **Кирова.**

Не ограничиваясь убийством тов. **Кирова,** троцкистско-зиновьевский центр подготовил ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М., Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Материалами судебного следствия и признаниями подсудимых Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Мрачковского и Дрейцера установлено, что Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали подготовку убийства тов. С. М. Кирова. В целях форсирования убийства тов. С. М. Кирова в июне 1934 года Каменев по поручению об'единенного троцкистско-зиновьевского центра ездил в Ленинград, где вел переговоры об организации этого террористического акта против тов. **Кирова** с руководителем одной из ленинградских террористических групп — **Яковлевым,** дело о котором выделено в особое производство.

Судом также установлено, что, по поручению «об'единенного центра», подсудимый Бакаев в ноябре 1934 г. также специально выезжал в Ленинград для проверки подготовленности ленинградской террористической группы Николаева—Котолынова к совершению убийства тов. Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Бакаев заслушал доклад убийцы тов. Кирова — Леонида Николаева и от имени «об'единенного троцкистско-зиновьевского центра» дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства тов. С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Николаев и его сообщники и осуществили 1-го декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Судом также установлено, что в 1934 году подсудимые Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер, в соответствии с решениями «об'единенного центра», пытались дважды совершить покушение на товарища Сталина.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных «об'единенным центром» террористических актов, им был организован в 1933 году в Москве т. н. «московский террористический центр» в составе подсудимых Рейнгольда, Пикеля и Дрейцера, под непосредственным руководством члена «об'единенного центра» подсудимого Бакаева.

«Об'единенным центром» было поручено подсудимому Бакаеву практически подготовить осуществление убийства тт. Сталина и Кирова, а члену «московского террористического центра», подсудимому Дрейцеру была поручена организация террористического акта против тов. Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством «об'единенного центра» ряда террористических актов против руководителей советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение 1932—1936 гг. систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 года Л. Троцким были переброшены в СССР Берман-Юрин и Фриц Давид, причем, перед от'ездом они были лично проинструктированы Л. Троцким по организации убийства товарища Сталина.

В том же 1932 году Л. Троцким был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста, агентом гестапо и доверенным лицом Гиммлера (нынешнего руководителя гестапо) Францем Вайцем Натан Лурье подготовляли покушение на убийство тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932—1933 года, после от'езда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с прибывшим в марте 1933 года в Москву из Берлина подсудимым Моисеем Лурье, также получившим от Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 году, находясь на Челябинстрое, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь тт. Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1-го мая 1936 года, по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье, пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на тов. Жданова.

Летом 1935 года Л. Троцким через своего сына Л. Седова был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фиктивным паспортом подданного республики **Гондурас.** Этот паспорт **В. Ольберг** приобрел при помощи германской тайной полиции **гестапо,** получив предварительное согласие от **Л. Троцкого** через его сына **Седова** воспользоваться содействием, в этом деле германской тайной полиции.

В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в г. Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1-го мая 1936 года совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Судебным следствием также установлено, что троцкистско-зиновьевский террористический центр одновременно с подготовкой террористических актов против тт. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича** и **Орджоникидзе** подготовлял террористические акты против тт. **Косиора** и **Постышева** через украинскую террористическую группу, действующую под руководством троцкиста **Мухина,** дело о котором выделено в особое производство.

Таким образом устанавливается виновность:

1. **Зиновьева Г. Е.**
2. **Каменева Л. Б.**
3. **Евдокимова Г. Е.**
4. **Бакаева И. П.**
5. **Мрачковского С. В.**
6. **Тер-Ваганяна В. А.**
7. **Смирнова И. Н.**

в том, что они:

а) организовали об'единенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийств руководителей советского правительства и ВКП(б);

б) подготовили и осуществили 1-го декабря 1934 года через ленинградскую подпольную террористическую группу **Николаева-Котолынова** и других, осужденных 29 декабря 1934 г. Военной коллегией Верховного суда Союза ССР, злодейское убийство тов. С. М. Кирова;

в) организовали ряд террористических групп, подготовивших убийство тт. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева,—**

т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

8. **Дрейцера Е. А.**
9. **Рейнгольда И. И.**
10. **Пикеля Р. В.**
11. **Гольцмана Э. С.**
12. **Фриц Давида** (Круглянского Ильи — Давида Израилевича).
13. **Ольберга В. П.**
14. **Бермана-Юрина К. Б.**
15. **Лурье М. И.** (Змеля Александра)
16. **Лурье Н. Л.,** —

в том, что, будучи членами подпольной контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства тт. **Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева,—**

т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19—58—8, 58—11 Уголовного Кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

— приговорила:

1. **Зиновьева** Григория Евсеевича,
2. **Каменева** Льва Борисовича,
3. **Евдокимова** Григория Еремеевича,
4. **Бакаева** Ивана Петровича,
5. **Мрачковского** Сергея Витальевича,
6. **Тер-Ваганяна** Вагаршака Арутюновича,
7. **Смирнова** Ивана Никитича,
8. **Дрейцера** Ефима Александровича,
9. **Рейнгольда** Исаака Исаевича,
10. **Пикеля** Ричарда Витольдовича,
11. **Гольцмана** Эдуарда Соломоновича
12. **Фрица Давида,** — Круглянского Илью — Давида Израилевича,
13. **Ольберга** Валентина Павловича,
14. **Бермана-Юрина** Конона Борисовича,
15. **Лурье,** Моисея Ильича — Змеля Александра,
16. **Лурье,** Натана Лазаревича

— всех к **высшей мере наказания — расстрелу,** с конфискацией всего, лично им принадлежащего имущества.

Находящийся в настоящее время за границей **Троцкий** Лев Давыдович и его **сын Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых **Смирнова** И. Н. **Гольцмана** Э. С., **Дрейцера, В. Ольберга, Фрица Давида** (Круглянского И. И.) и **Бермана-Юрина** и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист

В. УЛЬРИХ.

Члены — заместители председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР:

корвоенюрист И. МАТУЛЕВИЧ.

диввоенюрист И. НИКИТЧЕНКО.

(ТАСС).